

АНДРЕЙ С О В Р Е М Е Н Н Ы Й
Р Б Е С Т С Е Л К И Р

ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Исполнение приговора

«ХАРВЕСТ»

2013

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Исполнение приговора / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2013 — (Слепой)

ISBN 978-985-18-3865-9

Одно из подразделений ФСБ расследует деятельность преступной группировки, наладившей двухсторонние контрабандные поставки через коридор, проходящий по территории Припятского радиационного заповедника. По этому коридору из России в Европу поставляется оружие, а из Европы в Россию – синтетические наркотики. Расследование продвигается успешно, но завершению операции мешает неожиданно начавшаяся череда жестоких убийств...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3865-9

© Воронин А. Н., 2013
© ХАРВЕСТ, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Воронин
Слепой. Исполнение приговора

© Харвест, 2012

Глава 1

Иван Захарович был в высшей степени серьезный человек и к обязательствам своим всегда относился с полной ответственностью. Среди его знакомых, не будь он из Донецка, хватало настоящих профессионалов, способных на лету выбить глаз мухе – правый или левый, по выбору. Но заказ из Москвы был сформулирован как-то мутно, нечетко. Обязательных условий было всего два: убрать клиента – это раз, и сразу же рассчитаться с исполнителем – два.

Москва – она Москва и есть, и недаром ее всюду не любят. Все у них, москвичей, не по-людски – потому, наверное, что в городе слишком много народа, да и народ все больше пришлый, нерусский; короче, стреляй – не хочу. Людей там не осталось, вот что; в кого ни плюнь – не человек, а статистическая единица, которой грош цена в базарный день.

Иное дело – Донецк. Тоже, конечно, город не маленький, но тут все иначе, не как в Москве – по-человечески, что ли, по-семейному. Все друг друга знают – по крайности, что касается серьезных, деловых людей, – все друг другу сваты да кумовья или, как минимум, закадычные друзья. Ну, и как при таких условиях послать своего земляка, пусть себе и распоследнего никчемного забулдыгу, на верную погибель? Ведь шила в мешке не утаишь, и обязательно отыщется кто-то – и не один, мать его через семь гробов в мертвый глаз, – кто скажет: э, а Захарыч-то наш совсем сгнил, раз своих, донецких пацанов ни за грош в землю класть начал! Да в какую землю-то – в закарпатскую!

Подумав минуты две или около того, Иван Захарович решил действовать по принципу: «На тебе, боже, что мне негоже». В полном соответствии с принятым решением он не без труда отыскал в телефонной книге нужный номер и позвонил во Львов. Дождавшись ответа, он отдал короткое, не оставляющее места для двоякого истолкования распоряжение, и конвейер по сортировке кадров заработал на полную мощность.

Московский заказчик, недостаточно хорошо знакомый с местной спецификой, сильно переборщил в плане осторожности – он просто не мог предположить, что простое, в сущности, дело обернется таким странным манером. Но на западе Украины родственные, дружеские и соседские связи едва ли не более сильны, чем на востоке, и дело обернулось именно так, как обернулось. Сортировочный конвейер трудился день и ночь, выискивая жертву, смерть которой, по возможности, никого не обидит, и остановился, добравшись до самой последней, ранее никогда не рассматривавшейся ввиду своей полной никчемности, кандидатуры.

«Круль» в переводе с польского означает «король»; по-английски это слово звучит как «кинг». Круль была его фамилия, Кинг – дворовое прозвище. Настоящей уголовной клички он не имел ввиду отсутствия судимостей, а звали его Богданом. Из-за этого имени, данного в честь гетмана Хмельницкого, его еще иногда называли Автобусом или просто Бусом, по созвучию с названием выпускаемого на Украине транспортного средства для пассажирских перевозок.

Окончив среднюю школу, он никуда не поступил – с его аттестатом об этом не стоило даже задумываться. Он и не задумывался; в положенный срок его забрали в армию, где он здорово натерпелся от донецких. Мечтая очутиться на максимальном удалении от этих отморожков, которые, кажется, рождаются на свет уже с тюремными наколками и бандитскими замашками, он писал рапорты с просьбой направить его в Ирак. В Ирак его не взяли – надо думать, по той же причине, по которой в школе выдали не самый лучший аттестат. Демобилизовавшись, он перебивался случайными заработками; самыми прибыльными, хлебными денечками были посиделки в палаточных городках на майдане. Против чего протестовать и за кого голосовать, ему было безразлично, и пару раз он, чистокровный гуцул, был замечен в центре Киева в голубом шарфе партии регионов, распивающим пиво в компании донецких шахтеров.

Он пытался остаться в столице в качестве строителя, но руки у него от природы были вставлены не тем концом, и, с треском вылетев из четвертой по счету бригады земля-

ков-шабашников, он несолоно хлебавши вернулся к родным пенатам. Он родился и вырос в окрестностях Рахива, в местах, где основным источником доходов населения до сих пор остаются челночная торговля с ближним зарубежьем и контрабанда. Здесь его со временем пригрел и обласкал Остап Григорьевич – самый богатый человек села, скромно называвший себя предпринимателем. Что и в какой именно области он предпринимает, смутно догадывался даже Богдан Круль; все остальные жители села тоже были более или менее в курсе, а подробности никого не интересовали: меньше знаешь – дольше живешь.

Начав работать на Остапа Григорьевича, Богдан рассчитывал, что скоро его посвятят во все секреты и тонкости приграничного ремесла. Но не тут-то было: криминальная карьера тоже не задалась, причем по тем же причинам, из-за которых обладатель звучной фамилии не попал ни в университет, ни в состав украинского контингента в Ираке, ни даже в бригаду шабашников, строящих элитные коттеджи в киевской Конче-Заспе. Функции его при Остапе Григорьевиче как-то незаметно, сами собой свелись к помощи по хозяйству да иногда, в исключительных случаях, к роли курьера и грузчика. Ему случалось встречать у пункта пропуска возвращающихся из Польши или Румынии дальнобойщиков и доставлять хозяину переданные ими пакеты и сумки – всегда сравнительно легкие, не тяжелее трех – пяти килограммов. Однажды ребята притащили на буксире и оставили во дворе у Остапа Григорьевича сломавшийся в двадцати километрах от границы грузовой микроавтобус, и Богдану пришлось помочь им перетаскать в другую машину какие-то ящики. Ящики, путь которых лежал в Европу, в отличие от доставляемых из Европы пакетов, оказались тяжелыми. Они были деревянные, защитного цвета, с нанесенными черной краской по трафарету непонятными маркировками и с деревянными же ручками по бокам. Такие ящики Богдан видел, когда служил в армии. Ротный старшина хранил в них ветошь и хозяйственное мыло. Правда, Крулю казалось, что мыло, не говоря уже о ветоши, будет малость полегче. И, кроме того, на что полякам с румынами случилось наше хозяйственное мыло?

Короче говоря, не прожив на белом свете и четверти века, Богдан Круль уже основательно освоился в роли батрака, поскольку не имел ни большого ума, ни талантов, ни ярко выраженного стремления добиться в жизни чего-то большего. Правда, один талант у него все-таки имелся: он мастерски, прямо-таки артистично, резал скотину, будь то курица или свирепый бык весом в полтонны. Наблюдая, как он это делает, Остап Григорьевич всякий раз говорил, что из него вышел бы отменный киллер, а Богдан отвечал на это – опять же всякий раз, – что не имеет ничего против перемены профессии: по слухам, киллерам хорошо платят, а люди, особенно в больших городах, хуже любой скотины, так что и резать их ничуть не жалко.

В каждой шутке есть доля правды. В шутках Богдана Круля по поводу смены ампула эта доля приближалась к ста процентам, но Остап Григорьевич отчего-то не торопился завалить его заказами. Да оно и понятно: у него, Остапа Григорьевича, не тот бизнес, чтобы пачками отстреливать людей, а значит, и личный киллер ему ни к чему.

Но в один прекрасный день, а именно позавчера, свершилось: киллер понадобился, и хозяин обратился с этим деликатным делом не к кому-то другому, а именно к Богдану. Сделав длинное, полное прозрачных намеков, дипломатичное вступление и убедившись, что намеки остались непонятыми, Остап Григорьевич прямо поинтересовался, не хочет ли Богдан заработать приличные деньги, подстрелив одного нехорошего человека.

– А що за людына? – спросил Круль.

– Та яка людына – москаль! – пренебрежительным тоном внес необходимую поправку хозяин.

– Ага, – с удовлетворением промолвил Богдан, после чего выразил полную готовность хоть сию минуту пойти и настрелять столько москалей, сколько потребуется.

Истреблять россиян в промышленных масштабах не понадобилось. Уведомив об этом Богдана, Остап Григорьевич спросил, доводилось ли ему когда-нибудь пользоваться винтов-

кой с оптическим прицелом. Боясь спугнуть удачу, Круль ответил утвердительно; на широком усатом лице хозяина отразилось явное сомнение, но проверки, которой побаивался Богдан, не последовало – вероятнее всего, ввиду отсутствия в хозяйстве Остапа Григорьевича упомянутого выше инструмента.

Нынче утром Богдана доставили во Львов. Тут хозяин передал его с рук на руки двум незнакомым парням, один из которых представился Виталиком, а другой Лесем. Виталик вел машину, Лесь инструктировал Богдана. Делал он это нарочито медленно, по несколько раз повторяя одно и то же и часто проверяя, понял ли его Круль, как будто разговаривал с умственно отсталым. Впрочем, Богдан не обиделся, решив, что это является частью стандартной процедуры. Голова его была полна радужных планов; в мечтах он уже видел себя за рулем мчащегося по Крещатику шикарного спортивного кабриолета – точно такого, как тот, что едва не переехал его в последний день пребывания в Киеве по дороге на автовокзал.

Полдня он провел в однокомнатной хрущевке в доме, расположенном недалеко от кладбища. Под окном тяжело громыхали, с натугой ползя в гору по сто лет не ремонтировавшемуся рельсовому пути, замызганные трамваи; по пыльному двору, куда выходило окно кухни, неприкаянно бродила, не зная, чем себя занять, толстая глупая дворняга с синей пластмассовой блямбой на правом ухе – как объяснил Лесь, электронным чипом, по которому собаку можно будет найти, если она потеряется. Квартира явно была съемная; рукомойник в ванной отсутствовал, а смывной бачок унитаза не работал – смывать надо было из ведра, которое предварительно следовало наполнить под краном ванны. Впрочем, для не избалованного благами цивилизации Богдана эта провонявшая застоявшимся табачным дымом берлога была настоящим раем – предвестием того, что ждет его, профессионального киллера с длинным послужным списком и незапятнанной репутацией, в светлом будущем.

На полупустой книжной полке над телевизором он нашел книжку, называвшуюся «Москальство як воно є». Название было напечатано в центре обложки, условно деля ее пополам. В левом верхнем углу красовалось черно-белое изображение православной церкви, а в правом нижнем разместилась деревня – парочка крытых соломой, обнесенных кривым щербатым штакетником халуп, вокруг которых валялись пустые бутылки и слонялись пьяные мужики и бабы. Читать книжку Богдан не стал: он и без нее с самого детства знал, что москали – нехорошие, пропащие люди, да и картинка на обложке говорила сама за себя.

Нарушив запрет Леся, он вышел из квартиры и сгонял в ближний магазинчик за пивом, выпил его – пиво, разумеется, а не магазинчик, – закусив найденными в холодильнике продуктами, и от нечего делать немного поспал. Потом еще немного посмотрел телевизор, а потом, ровно в половине пятого, как и было условлено, за ним заехал Виталик. Он отвез Богдана в центр и высадил около пиццерии на улице имени Джохара Дудаева – храброго генерала, первого президента независимой республики Ичкерия, геройски сражавшегося с москалями и предательски ими убитого посредством выпущенной на запеленгованный сигнал мобильного телефона управляемой ракеты.

Расставшись с водителем, который напоследок довольно странным (видимо, от зависти) тоном пожелал ему удачи, Богдан Круль без проблем отыскал нужный номер дома, вошел в подъезд и, поднявшись на верхний этаж, забрался по железной лесенке на чердак. Чердак, как и обещал Лесь, оказался незапертым, и завернутая в мешковину винтовка системы Драгунова обнаружилась на месте – лежала себе спокойненько поверх кучи старых пыльных досок под слуховым окном. Казенная часть ее практически не отличалась от казенной части хорошо знакомого Богдану автомата Калашникова, так что с заряданием и стрельбой проблем не предвиделось. Длинный набалдашник на дуле был, несомненно, глушителем; эта опция показалась Богдану Крулю весьма и весьма уместной – в первую очередь потому, что он еще ни разу не стрелял из бесшумного оружия. Телескопический прицел «драгуновки» представлял собой сложную конструкцию, самостоятельно разобраться в устройстве и принципе действия кото-

рой Богдан был не в состоянии. Он немного покрутил верньеры и непонятно градуированные рубчатые колечки, безнадежно сбив заранее тщательно выставленный прицел, а затем, поддавшись внезапному порыву, прицелился и выстрелил в сидевшего на коньке крыши через улицу голубя. Голубь забил крыльями и улетел; что именно его спугнуло – негромкий щелчок выстрела, ветерок от близко пролетевшей пули, визг тормозов на перекрестке или рожденный куцым птичьим умишком призрак, – так и осталось неизвестным.

Несмотря на промах, Богдан был доволен. Сидя на чердаке со снайперской винтовкой в руках, он чувствовал себя героем крутого боевика – суперагентом, посланным спасти мир. А что суперагент промазал по голубю, не беда: и голубь ни в чем не виноват, и москаль, как ни верти, будет как-нибудь покрупнее божьей птахи.

Вспомнив о москале, он сосредоточил свое внимание на доме напротив: отсчитал пятое от угла окно на втором этаже и заглянул в него через прицел.

Москаль, чтоб ему ни дна, ни покрыва, был тут как тут. Он полностью соответствовал данному Лесем описанию: выше среднего роста, шатен, спортивного телосложения. Главная примета – темные солнцезащитные очки – тоже была на месте: клиент не потрудился снять их даже в помещении, и было непонятно, как он ухитряется перемещаться по комнате, не натываясь на мебель.

Впрочем, это были его проблемы. Слегка оттянув затвор, Богдан проверил, есть ли в патроннике патрон – знал, что есть, но все-таки проверил, потому что таков порядок. Патрон был на месте – отвечивал теплым медным блеском, который приятно контрастировал с тусклым голубовато-серым блеском оружейной стали. Отпустив рукоятку затвора, Круль снова прикинул глазом к одетому в губчатую резину окуляру прицела. Ствол пришлось переместить, потому что москаль уже покинул кресло, в котором до этого сидел. Беззлобно матюгнувшись: что ж тебе, сучье вымя, на месте-то не сидится? – снайпер-самоучка подвел обращенную острием кверху галочку прицела к переносице жертвы и плавно, как учил предусмотрительный Лесь, потянул спусковой крючок.

«Драгуновка» сухо щелкнула, сильно толкнувшись в плечо фасонистым «скелетным» прикладом, стреляная гильза, кувыркнувшись в воздухе, беззвучно упала в перемешанный с пушистой серой пылью птичий помет, которым был устлан пол чердака.

Москаль нелепо, как в любительской театральной постановке, взмахнул руками и упал, завалившись за придвинутое к столу кресло. Пока он падал, Богдан для верности выстрелил еще разок. Стоявшая на столе длинногорлая бутылка темного стекла взорвалась, как ручная граната, забрызгав все вокруг темно-красным вином. Вторая пуля была потрачена напрасно; впрочем, Богдан не сомневался, что первая благополучно поразила цель. Он отлично видел кресло, из-за которого с одной стороны торчали босые ноги, а с другой – испачканная кровью рука. Ни ноги, ни рука не шевелились; зачем-то поставив винтовку на предохранитель, Круль старательно протер ее мешковиной, завернул и положил на прежнее место, поверх кучи пыльных досок под слуховым окном.

Так никем и не замеченный, он покинул чердак. Сбегая вниз по лестнице мимо слепо таращащихся стеклянными бельмами глазков дверей квартир, он придиричливо анализировал свои ощущения: как-никак, покойный москаль стал первой жертвой будущего знаменитого киллера. Ощущения были самые обыкновенные, настроение приподнятое; оказалось, что убить человека для Богдана Круля не сложнее, чем отрубить голову курице. Ничего другого он, собственно, от себя и не ожидал; блестящая карьера, таким образом, была обеспечена.

Продолжая чувствовать себя героем боевика, он выскользнул из подъезда и, оглядевшись, наискосок, дворами, вышел на проспект Шевченко. У дома с бронзовой мемориальной доской, увековечившей память разведчиков-пластунов УПА, как и было условлено, его ожидал белый грузовой «фольксваген-транспортёр». Подойдя, Богдан постучал в заднюю дверь

условным стуком: тук, тук, тук-тук-тук! Дверь сразу же открылась, и Круль молодцевато, пружинисто запрыгнул в железный кузов микроавтобуса.

– Ну, как? – с лязгом захлопнув дверь, спросил лысоватый долговязый Лесь.

– Порядок, – уведомил его Богдан.

– Точно?

– Точнее не бывает.

– Ну, гляди. Поехали, братан!

– С почином, – обернувшись, сказал из водительского кресла Виталик и запустил двигатель.

Вежливый, как все жители западной Украины, Богдан хотел поблагодарить, но не успел: долговязый Лесь неожиданно приставил к его затылку ствол пистолета и нажал на спусковой крючок. Микроавтобус тронулся, увлекаемое инерцией мертвое тело ударилось о заднюю дверь и с глухим шумом рухнуло на прикрытый резиновым ковриком жестяной пол. Оттащив к центру кузова, Лесь забросал его грязной ветошью и пустыми картонными коробками, после чего, протиснувшись между спинками сидений, уселся рядом с Виталиком.

Примерно через полчаса, когда Лесь и Виталик уже забрасывали остывающий труп сухими ветками и травой в неглубоком овражке километрах в двадцати от городской черты Львова, в кабинете генерального директора одной из крупных коммерческих фирм Донецка раздался телефонный звонок. Хозяин кабинета, грузноватый мужчина средних лет с широким незагорелым лицом, ответил на вызов.

– Иван Захарович? – послышался в трубке мужской голос, говоривший с акцентом, характерным для обитателей западных областей Украины. – Це Мыкола Львовський. Познали чи ни?

– Узнал, – хамоватым тоном истинного дончанина буркнул Иван Захарович. – Ну, что там у тебя? Говори быстрее, я занят.

– Москаль ваш в минусе, снайпер теж, – сообщил Микола Львовський.

– Этот москаль такой же мой, как и твой, – заявил Иван Захарович. – Я его сроду в глаза не видел. Но это точно?

– А як же ж!

– Добре, – сказал Иван Захарович, – с меня причитається.

Повесив трубку, он вынул из кармана мобильный телефон и стал звонить в Москву: нужно было сообщить партнерам, что их заказ выполнен.

* * *

Глеб Сиверов лежал на ковре между стеной и придвинутым к столу креслом, слушая, как тикают, утекая в небытие, секунды его жизни. Ковер, при первичном осмотре показавшийся довольно новым и пушистым, на поверку оказался основательно затоптанным, вытертым и пропыленным. В нескольких сантиметрах от лица Глеба среди длинных синтетических ворсинок темнел какой-то неприятного вида комок. Поразмыслив, Сиверов пришел к выводу, что наблюдает старую жевательную резинку, несомненно, обласканную десятками грязных подошв и пережившую множество уборок. Глеб брезгливо поморщился: мало того, что ситуация неприятна сама по себе, так еще и эта гадость...

Винить в случившемся, увы, было некого, кроме себя самого. Эту поездку затеял Глеб; более того, он на ней настоял, так что нести всю полноту ответственности за последствия ему предстояло в одиночку.

Началось, как водится, с сущего пустяка. Как-то раз, нарезая на кухне овощи для салата под бормотание работающего телевизора (показывали «Д'Артаньян и три мушкетера»; Глеб включил эту программу собственноручно, отыскав в ворохе наполненных истеричными воп-

лями, изрекаемыми тоном оракула благоглупостями и тупыми остротами ток-шоу – так что и тут, как ни крути, был виноват только он один), Ирина вскользь заметила, что Львов, где снимался этот фильм, должно быть, очень красивый город. Глеб в ответ объявил, что архитектору, как и любому другому служителю муз, надлежит досконально знать классику – дабы, во-первых, не изобретать велосипед, а во-вторых, не делать это хуже того, кто запатентовал данное изобретение еще на заре эпохи угля и пара. Львов, сказал он, не просто красив – он красив сногшибательно, до слез (разумеется, женских, и желательно, чтобы женщина при этом по совместительству была еще и профессиональным архитектором – тогда слезы, можно сказать, гарантированы). Эх, ты, тундра, сказал он со снисходительной жалостью, – а еще архитектор! Львов – это тебе не Москва. Знаешь, на что похож Львов? На один из старых районов Праги сразу после уличных боев. Небольших, добавил он поспешно, – локальных, сугубо местного значения, без артиллерии, бомбардировок с воздуха и прочих современных ужасов...

Ирина ответила на это, что архитектурные изыски времен Австро-Венгерской империи досконально изучены ею еще в институте. Так что насчет велосипеда, каменного топора и пресловутой «фигуры цапф большого пассажного инструмента» ее драгоценный супруг может не беспокоиться – все перечисленные и еще многие другие изобретения надежно гарантированы от посягательств на плагиат с ее, Ирины Быстрицкой, стороны. Судя по участвовавшему постукиванию ножа о разделочную доску, она была слегка задета.

«Дело не в изысках, а в их количестве, – подлил масла в огонь Сиверов. – Когда идешь и не знаешь, куда смотреть – то ли по сторонам и вверх, то ли под ноги, чтобы не навернуться в какую-нибудь канаву... Улицы-то узкие, тротуары шириной с носовой платок, всюду ямы – украинские коммунальщики еще похлеще российских, – а кругом – красотища! Двух одинаковых домов днем с огнем не найдешь, и все это – на километры...»

«И ты это видел?» – с вызовом спросила Ирина. «Своими собственными глазами», – подтвердил Глеб, не став уточнять, когда именно и при каких обстоятельствах состоялся его исторический визит в столицу Закарпатья. Было это в разгар Первой Чеченской, когда Федор Филиппович в свойственной ему ворчливой манере поведал Глебу об активно работающей на Западной Украине школе снайперов, каковые буквально не давали житья нашим ребятам как на передовой, так и в тылу. Глеб, которому не оставалось ничего другого, выразил горячее желание отправиться во Львов и на месте ознакомиться с опытом работы упомянутого учебного заведения.

Ввиду господствовавших в ту пору на территории «незалежной и самостийной» тенденций, которые были особенно сильны в ее западных регионах, отыскать школу оказалось нетрудно – строго говоря, ее никто особенно и не прятал. Вычислить настоящих руководителей оказалось чуточку сложнее. Но Глеб справился, после чего конвейер по выпуску профессиональных охотников за головами русских солдат прекратил работу на неопределенное время (и, если возобновил, то уже далеко не в прежних масштабах и без былого качества подготовки, ибо агент по кличке Слепой не обошел своим вниманием и наиболее опытных инструкторов). Из той поездки Сиверов привез массу впечатлений, приличную сумму в твердой валюте, шрам от ножевого ранения под правой лопаткой и синяк под левым глазом – глупую, унижительную отметину, полученную перед самым отъездом в банальной драке с толпой пьяных, националистически настроенных сопляков, услышавших русскую речь.

Это было давно, с тех пор утекло много воды, и очень многое наверняка переменялось. «Это было давно, – внезапно поняв, что не прочь лично оценить масштаб перемен, сказал Глеб. – Так давно, что я успел соскучиться. Честное слово, это надо видеть. Я, во всяком случае, усиленно рекомендую. Тем более что у меня наклюнулась свободная неделя и есть немножко денег, которые не мешало бы потратить».

Тогда Ирина, которую выдвинутое предложение явно заинтересовало, осторожно напомнила, что на Западной Украине, по слухам, не жалуют русских, особенно москвичей – могут

просто не обслужить в кафе, сделав вид, что не понимают по-русски, а могут и побить. «То е так, дядьку», – с сильно утрированным польским акцентом дурашливо подтвердил Сиверов. «Какой я тебе дядька?!» – возмутилась Ирина. «Ну, хорошо, тетка, – вздохнул Глеб. – Глупая-а-а!.. Ну, чушь ведь, чепуха на постном масле! Закарпатье, Львовщина, как и весь запад Украины – дотационный регион, причем уже давненько. С востоком у них трения, деньги им дают со скрипом, сквозь зубы, они каждой копейке рады. Кто же станет бить кулаком по клюву курицу, несущую золотые яйца? Кто ей, болезной, за ее же деньги кофе не нальет из-за каких-то там принципов?»

В ответ Ирина пересказала историю, услышанную от своей сослуживицы и лучшей (на текущий момент) подруги. У этой подруги была двоюродная бабка, которая в послевоенные годы окончила пединститут и, удачно выскочив замуж, осела в Ростове. Весь остальной выпуск, все тридцать семь человек, были отправлены по распределению на Западную Украину, и через каких-то шесть месяцев в живых не осталось никого – ни одного человека... «В каком году это было?» – спросил Глеб, ненавидевший предрассудки, даже если они высказывались устами любимой женщины. «В сорок седьмом». – «А сейчас какой? Ты еще войну Красной и Белой розы вспомни!»

Ирина объявила, что в нем говорит задетое мужское самолюбие – дескать, он органически не способен переварить мысль, что при определенных обстоятельствах может не суметь защитить любимую женщину, и в силу этого отрицает саму возможность возникновения таких обстоятельств. Глеб в ответ предложил пари – «американку», на три желанья, – и клятвенно пообещал, что при первых же признаках назревающего межнационального конфликта эвакуирует любимую из опасного региона в места, откуда невооруженным глазом видна Останкинская телебашня.

Данное обещание надлежит выполнять. Выполнить обещание эвакуировать кого-либо откуда-либо, не доставив предварительно поименованную персону в означенное место, невозможно; вопрос о поездке, таким образом, был решен – как показалось Глебу, к обоюдному удовольствию.

Львов был красив, как прежде, и даже еще красивее, но за те пять дней, что они с Ириной провели здесь, Глеб успел сто раз пожалеть о своей настойчивости.

Объяснялось это, в самую первую очередь, чудовищным в своей нелепости проколом, недопустимым даже для последнего обывателя, если только он вменяем, не говоря уже о секретном агенте с тем уровнем квалификации, которым обладал Глеб Сиверов. Отправляясь на свою экскурсию, он упустил из вида один маленький пустячок.

Конечно же, он слышал об этом, и не раз, но по привычке не связывал предстоящее событие ни с собой, ни, тем более, с Ириной.

Если вы не живете в районе строительства скоростной автомагистрали, которую планируют проложить напрямик через ваш земельный участок, и не являетесь инженером-дорожником, катаклизмы, сотрясающие чью-то жизнь, обходят вас стороной, оставаясь незамеченными вами.

Если вы не владеете недвижимостью в регионе, подвергшемся сильному землетрясению и цунами, число разрушенных домов и человеческих жертв в районе бедствия для вас просто еще одна строчка в новостной ленте – печальная, да, но всего-навсего статистика.

Если вы не интересуетесь футболом – это, знаете ли, бывает, и не так редко, как может показаться, – время и место проведения очередного, какого-то там по счету, чемпионата Европы не имеет для вас ни малейшего значения – ровно до тех пор, пока ваши планы на отпуск не пересекутся с планами ФИФА. А когда это произойдет, вы обнаружите, что у вас с футболом полная взаимность: вы игнорируете его, он игнорирует вас. Футбол – это большой, очень серьезный бизнес. И он, нравится вам это или нет, гораздо сильнее, чем вы; конкурировать с ним на чисто бытовом уровне означает мочиться против ветра – да что там ветра – урагана!

Глеб Сиверов был, пожалуй, единственным человеком, который ухитрился забыть, что в городе, который он решил почтить своим визитом, практически в это же самое время пройдут игры чемпионата Европы по футболу.

Очереди на границе и творящийся на скоростных шоссе кавардак могли бы напомнить ему об упущенной мелкой детали, но он оставался слеп: для того, кто почти ежедневно сталкивается с московскими пробками, небольшой затор на загородном шоссе – такой же пустяк, как для Глеба Сиверова – «Евро – двадцать-двенадцать».

Глаза у него начали открываться в рецепции первого – естественно, самого лучшего – львовского отеля, возле которого ему не без труда удалось припарковаться. Мест в отеле не было – глухо, безнадежно, ни за какие деньги. На Глеба смотрели, как на сумасшедшего, но он продолжал упорствовать.

Во втором отеле глаза у него открылись еще чуточку шире, а в пятой по счету гостинице до него, наконец, дошло, что зрение следует поберечь, дабы, уронив глазные яблоки на мраморный пол вестибюля, не начать в полной мере соответствовать своему оперативному псевдониму.

Немного утешало то, что Ирине Львов понравился – несмотря на футбольную рекламу, оружие толпы фанатов и прочие привходящие. Она была в восторге от города; собственно, ничего другого Глеб от нее, профессионального архитектора, умеющего ценить и творить красоту, и не ожидал. С межнациональными конфликтами и срочной эвакуацией тоже оказалось все в порядке; правда, общаясь с обслугой кафе и продавцами магазинов, Глеб обнаружил, что многие действительно не говорят и плохо понимают по-русски – не из принципа, а по тем же причинам, по которым каждый ноль целых сколько-то там десятых или сотых житель Москвы соответствует тем же характеристикам; они не знали по-русски не потому, что им так хотелось, а потому, что их этому никто не научил. Это касалось, в основном, молодежи; старшее поколение, начиная от тридцати пяти – сорока лет, русский понимало превосходно и отличалось истинно европейской рафинированной вежливостью.

В связи с этой самой вежливостью Глебу запомнился один случай. Поскольку футбол их не интересовал («Ты что, в самом деле, забыл?» – с веселым изумлением спрашивала Ирина, и Глеб сердито огрызался: «Ничего я не забыл, просто думал... да ну, в самом деле, кому это надо?!»), они ездили на экскурсии. Во время одной из них, предпринятой в местечко под названием Жовква, они шли по узенькому, выложенному тесаным камнем тротуару. В какой-то момент, ощутив у себя за спиной постороннее присутствие, Глеб просто потянул Ирину на себя, и проехавшая мимо них на велосипеде местная тетка негромко, но внятно сказала: «Дякуй» («Спасибо»).

Глеб Сиверов лежал на вытоптанном ковре в гостиной съемной двухкомнатной квартиры, которая стояла, как люкс в пятизвездочном отеле, и слушал, как тикают, падая в вечность, секунды. По непонятной причине процесс этот явно замедлялся, тиканье раздавалось все реже, паузы становились все длиннее. После очередного «тик» наступила тишина, длившаяся секунд двадцать, потом послышалось быстрое, будто вдогонку, «тик-тик-тик-тик», и снова стало тихо. Тогда Глеб сообразил, что это было, собственно, не «тик», а «кап»: бутылку французского вина, которую они с Ириной планировали распить на сон грядущий, и которую он поленился убрать в холодильник, разбила пуля, и звук, который слышал, лежа между стеной и креслом, агент по кличке Слепой, издавало капающее со стола на пол вино.

Это была уже вторая пуля. Стрелок – назвать его снайпером просто не поворачивался язык – пытался достать ею Глеба в падении, но только угробил вино, изгадил скатерть, ковер и обои, а заодно испортил отпуск. И, неподвижно лежа на полу под эфемерной защитой старого мягкого кресла, Глеб про себя порадовался тому, что в свое время так основательно поработал со здешней снайперской школой. Вполне возможно, сейчас именно это спасло ему жизнь; не

будь той командировки, на чердаке дома напротив мог оказаться кто-то более ловкий в обращении с винтовкой.

Ему подумалось, что сегодняшний инцидент может иметь связь с его первым приездом во Львов, но он прогнал эту мысль: времени прошло слишком много, да и он не расклеивал по городу афиш со своим именем и подробным перечнем совершенных подвигов. И потом, если бы кто-то знал об его роли в тогдашних событиях и хотел отомстить, он сделал бы это давным-давно. Чей-нибудь осиротевший сынишка подрос и решил рассчитаться по папашиным долгам? Э, бред, чепуха, такое бывает только в кино – преимущественно, в индийском. Да и откуда ребенок мог узнать то, чего не знали взрослые, опытные дяди?

Оцарапанный прошедшей по касательной пулей лоб саднило, кровь, щекоча кожу, стекла по щеке, потихонечку пропитывая многострадальный ковер. Глеб мимоходом пожалел, что кресло мешает стрелку на чердаке насладиться этим зрелищем: для косорукого лопуха, пытавшегося отправить Слепого к праотцам, оно послужило бы доказательством полного успеха его миссии.

Повисшее над островерхой крышей дома, на чердаке которого засел киллер, закатное солнце пригревало ладонь откинутой далеко в сторону, чтобы была видна из-за кресла, руки. Ладонь была испачкана кровью: падая, Глеб успел провести ею по лбу. Пару минут назад он встал из этого самого кресла, чтобы взять с комода сигареты, и вдруг почувствовал настоятельную потребность чуть-чуть, буквально на сантиметр, сместиться вправо. Так уже бывало, и не раз, и он привычно внял тихому шепоту подсознания, даже не успев толком понять, что, а главное, почему оно там нашептывает. В следующее мгновение коротко звякнуло пробитое винтовочной пулей стекло, лоб обожгла короткая боль, и Глеб картинно рухнул, постаравшись приземлиться так, чтобы кресло скрыло от стрелка наиболее ценные, жизненно важные части его организма. Для верности стрелок поторопился пальнуть еще раз, расковав купленную полчаса назад в винном погребе за углом бутылку и окончательно убедив Глеба в своей профессиональной несостоятельности. Улица, на которой они сняли квартиру, была узкая, и, имея в руках винтовку с приличной оптикой, промахнуться два раза подряд мог только полный лопух, вряд ли способный без посторонней помощи попасть пальцем в собственную ноздрю.

Это, между прочим, натолкнуло Сиверова на новую мысль: а может быть, это какой-нибудь чокнутый экстремист, окончательно съехавший с катушек и взявшийся отстреливать москалей? Энтузиазма море, навыков – ноль, отсюда и два промаха подряд с пустяковой дистанции... А? Почему бы и нет, в конце-то концов? Национализм в здешних краях не только не преследуется – наоборот, его старательно насаждают и культивируют – правда, без видимого, ощутимого успеха. Рекламные щиты на трамвайных остановках с высказываниями основоположников украинского национализма, памятники героям УПА (Украинской повстанческой армии) и жертвам «московского коммунистического режима» – народу все это, похоже, начало надоедать, но оно есть. Националистическая пропаганда здесь на каждом шагу и, как всякая пропаганда, она находит свою аудиторию и дает какие-никакие плоды: как ни крути, а русского языка молодежь таки не знает. Э, да что говорить! Ты вспомни, приятель, на какой улице обосновался!

Пользуясь тем, что стрелок не видит его лица, Глеб криво ухмыльнулся. Винный погребок за углом, где была куплена погибшая от пули снайпера бутылка, располагался на проспекте Шевченко. А улица, на которой поселились Глеб и Ирина, носила имя Джохара Дудаева – ни больше, ни меньше. Имея выбор из четырех или пяти сдаваемых внаем квартир, Глеб остановился на этой именно из-за названия улицы: с цинизмом, в той или иной степени свойственным всем людям его профессии, он нашел забавной перспективу пожить на улице Дудаева. По возвращении Федор Филиппович, скажем, спросит: «А где вы останавливались?» А Глеб гордо ответит: «На Дудаева, у перекрестка с Шевченко»...

Вот и позабавился, подумал он, прислушиваясь к доносящемуся из ванной ровному шуму воды. Небось, на какой-нибудь другой улице ничего такого не случилось бы. А то придумал: подавай ему, ветерану обеих чеченских кампаний, именно Дудаева! Забавно ему, видите ли... Зато теперь действительно есть, что рассказать Федору Филипповичу. И то хлеб!

Шум воды в душе прекратился. Это было скверно: Глебу вовсе не хотелось, чтобы Ирина, выйдя из ванной, увидела то, что могла увидеть в эту минуту. Еще меньше ему хотелось, чтобы она вбежала в комнату и попала на мушку засевшему в доме напротив отморозку. А впрочем...

Скосив глаза, он посмотрел на электрические часы, которые как ни в чем не бывало тихонько тикали на комод. Если верить этому прибору, у которого не было никаких причин лгать, Глеб валялся на полу за креслом уже почти четыре минуты. Независимо от того, попал в цель или нет, профессионал за это время должен был удалиться от своего огневого рубежа на очень приличное расстояние. То же сделал бы и дилетант, пребывающий в здравом рассудке. Но что, если там, на чердаке, действительно псих? Тогда дело плохо; правда, если там псих, и если Ирина, выйдя из душа, бросится спасать лежащего на полу с окровавленной головой супруга, может стать еще хуже – так, что дальше некуда.

Да какого черта, мысленно сказал Глеб и встал, готовый в любое мгновение рыбкой нырнуть под стол.

И, как и следовало ожидать, ничего не случилось.

Тогда он снял испачканную футболку, наскоро обтер ею лицо, подошел к окну и, став так, чтобы его не было видно с улицы, задернул занавеску, прикрыв продырявленное пулями стекло.

В ванной щелкнула дверная задвижка. Ирина, на ходу вытирая волосы махровым полотенцем, вошла в комнату и остановилась, увидев винную лужу на ковре, мокрую скатерть с завернутыми в нее осколками бутылочного стекла на подлокотнике придвинутого к стене кресла и полуголого мужа, который старательно вытирал стол скомканной футболкой.

– Что это ты здесь устроил? – подозрительно осведомилась она.

– Руки-крюки, – с виноватой улыбкой ответил Глеб. – Штопора не нашел, хотел открыть бутылку старым солдатским способом – ладонью по доньшку, и готово. А она возьми и лопни! Прямо вдребезги, даже лоб поцарапал, гляди... Что за народ эти французы! Даже на стекле экономят, бутылки от неосторожного взгляда разбиваются... В суд на них, что ли, подать? В Гаагский, понимаешь ли, трибунал...

Ахнув, Ирина бросилась к чемодану за аптечкой и захлопотала над кровоточащей царапиной. Йод, как и положено йоду, щипался, Сиверов шипел и стонал, очень довольный тем, что занятая делом Ирина не видит, как колыхнется от сквозняка занавеска на плотно закрытом окне.

Глава 2

Ветер гнал по небу рваные клочья облаков – авангард наступающего со стороны Европы грозового фронта. Ветер был сильный, порывистый, он глухо шумел в кронах деревьев и морщил темную речную воду. Мелкая волна беспорядочно плескалась о низкий берег; тростник шуршал, как папиросная бумага, в которую неумелая хозяйка заворачивает и все никак не может завернуть свежий пирог. Ветер с разбега наваливался грудью на прибрежные заросли ивняка, и те с протестующим шелестом клонились к земле, показывая серебристую изнанку длинных, заостренных, как наконечники копий, листьев, отчего по темной зелени кустарника пробегали светлые волны.

Изжелта-зеленая, похожая на темное бутылочное стекло вода равнинной речки плескалась о корму легкой дюралевой моторки. Лодка была до половины вытащена на мокрый песок крошечного, с трех сторон обрамленного зарослями тростника и ивняком пляжа. Мощный японский мотор был поднят, с одной из лопастей гребного винта свисал бурый клочок мертвых водорослей. При не слишком внимательном взгляде со стороны реки разрисованный камуфляжными полосами и пятнами корпус лодки сливался с пестрым фоном береговой растительности – так же, как и одетый в новенький камуфляж без каких-либо знаков различия человек, который, сидя боком на борту моторки, курил сигарету и, глаза по сторонам, стряхивал пепел в ямку, продавленную в сыром песке каблуком резинового болотного сапога. Там, в ямке, лежало уже целых три окурка: человек прибыл к месту встречи заблаговременно, чтобы успеть хорошенько осмотреться и убедиться в отсутствии засады.

Четвертая по счету сигарета была выкурена приблизительно наполовину, когда сквозь шелест листвы и заунывный посвист ветра пробился новый звук – неровное, сердитое рычание двигателя штурмующей многочисленными неровностями малоезжего ухабистого проселка машины. Человек насторожился, вслушиваясь в этот звук, бросил окурочек в ямку и одним движением ноги прикопал белевшие на ее дне свидетельства своего длительного пребывания на берегу. Рука, протянувшись за спину, легла на цевье прислоненного к борту лодки карабина, глаза внимательно прищурились, а поза неуловимо переменялась, сделавшись напряженной, как у мелкого хищника, еще не успевшего разобраться, кто издает послышавшийся ему шорох – добыча, которую следует поймать, или более крупный и сильный зверь, от которого надлежит спастись бегством.

Гул мотора перестал приближаться и сменил тональность, перейдя в ровное урчание холостых оборотов. Заскрежетали шестерни коробки передач, движок сердито взвыл, захрустели, ломаясь под колесами, ветки – машина разворачивалась на скрытом кустами пятячке травянистой почвы. Рука, лежавшая на цевье карабина, расслабилась, убралась и потянулась к нагрудному кармашку камуфляжной куртки за очередной сигаретой, но человек передумал курить: выкурено было уже и так предостаточно, да и характер предстоящих занятий не предполагал к длительным перекурам.

Звук работающего двигателя усилился. Кусты, почти совсем заполонившие дорогу, и в лучшие времена вряд ли способную претендовать на то, чтобы считаться оживленной, раздвинулись с шорохом и треском, и из них медленно, осторожно показалась густо облепленная грязью и припорошенная пылью корма легкого «уазика». Номерной знак на ней отсутствовал, а из крышки прикрепленного к заднему борту запасного колеса был выдран приличных размеров треугольный клочок резины – чем, несомненно, и объяснялась уже начавшая беспокоить лодочника задержка в пути.

Лодочник встал и, подняв руку, заставил машину остановиться раньше, чем ее задние колеса увязли в пропитанном водой песке, откуда потом их было бы весьма проблематично извлечь. «Уазик» замер, подмигнув тусклыми из-за толстого слоя грязи тормозными

огнями; снова заскрежетали шестеренки, белые фонари заднего хода погасли, двигатель чихнул и замолчал.

Захлопали дверцы, и на пляж, уклоняясь от раскачиваемых ветром, норовящих хлестнуть по лицу ивовых ветвей, вышли трое мужчин, одетых, как и лодочник, в камуфляжные костюмы различного покроя и расцветки. Это относительное разнообразие вкупе с отсутствием погон, петлиц, нашивок и прочей армейской мишуры прямо указывало на то, что костюмы не получены на складе вещевого довольствия некоей войсковой части, а приобретены в разное время в разных торговых точках как часть рыбацкого или охотничьего – короче говоря, походного – снаряжения. Охотничьи ножи в ножнах тоже были разные по размеру и форме, и носили их по-разному – один висел у своего хозяина на правом бедре, другой слева на животе, а третий – в одной из многочисленных петель камуфляжного жилета, почти под мышкой. Зато длинноносые АК-74 с ложами из шероховатого черного пластика выглядели так, словно их недавно извлекли из одного ящика и едва успели освободить от заводской смазки.

– Здорово, сталкер! – приветствовал лодочника один из вновь прибывших.

– Здоровеньки булы, – с ярко выраженным украинским акцентом откликнулся «сталкер», поочередно пожимая всем троим руки.

Ладонь у него была твердая, как доска, и шершавая от ороговевших мозолей. Прикасаясь к ней, гостям из более благополучных регионов было трудно отделаться от мысли, что вместе с микробами, которыми люди привычно обмениваются при рукопожатии, они получают еще и дозу радиоактивного облучения, размеры которой напрямую зависят от того, где побывал, чем занимался и что употреблял в пищу собеседник накануне встречи. Здесь, на окраине Припятского радиационного заповедника, возможность обзавестись лучевой болезнью приходилось учитывать наряду со множеством других, столь же неприятных возможностей. Но кто не рискует, тот не выигрывает, да и радиационный черт на поверку оказался не так страшен, как его малевали в свое время – разумеется, если соблюдать осторожность и не дразнить его, суясь туда, куда лучше не соваться.

– Как добрались? – поинтересовался «сталкер».

Он был невысокий, худой и жилистый, со смуглой кожей и густой смоляной шевелюрой – одним словом, цыгановатый. Когда он говорил или улыбался (что случалось достаточно редко), во рту у него вспыхивал неуместно ярким блеском любовно отполированной нержавеющей стали впечатляющий набор железных зубов. Обручального кольца он не носил, зато в вырезе надетой на голое тело камуфляжной куртки поблескивал золотой православный крест на цепочке того же металла. На поясе, оттягивая его книзу, болтался устрашающего вида саперный тесак в исцарапанных ножнах, с которым соседствовали три подсумка с обоймами для карабина – проверенной временем, архаичной, но безотказной укороченной версии трехлинейной винтовки Мосина.

– Как по стиральной доске, – проворчал один из тех троих, что приехали в «уазике» – крупный, рыжеватый, вислоплечий мужик с длинными руками, которые оканчивались внушительными костлявыми кулачищами. – У меня от этой тряски мозги в яичницу-болтунью превратились.

– Это не от тряски, – с ухмылкой возразил его коренастый попугчик, расправляя согнутым указательным пальцем густые прокуренные усы. – Они у тебя от рождения такие.

– Плюс десять лет занятий боксом, – добавил третий – жгучий брюнет с фигурой пляжного атлета, буквально распиравшей изнутри камуфляжную обмундировку. – Даже профессор философии дебилом станет, если ему десять лет подряд в бубен стучать.

– Да, – с серьезным видом кивнул рыжеватый и выразительно похрустел суставами пальцев, – насчет бокса – это ты правильно подметил. Главное, вовремя. Подика, чего скажу!

– Сейчас, – предусмотрительно отступая на шаг, пообещал брюнет, – только галоши надену. А то я без них плоховато слышу.

– Хорош порожняк гонять, – прервал всеобщее веселье лодочник. – Нам еще десять верст вверх по течению чапать, а у наших мужиков смена через три часа кончается.

– И то правда, – сказал усатый. – Делу время – потехе час.

Брюнет уже возился у заднего борта машины, одну за другой отшпиливая застежки тента. Забросив пропыленный насквозь полог на крышу, он окинул железный борт и со скрежетом выдвинул из кузова плоский деревянный ящик, окрашенный в милый сердцу кадрового военнослужащего цвет хаки. Усатый подхватил ящик с другой стороны, и, почти по щиколотки увязая в сыром песке, они вдвоем перенесли нелегкую ношу в лодку. «Сталкер» в паре с рыжеватым погрузили второй ящик. Пристроив его рядом с первым на прикрывающей дюралевое дно моторки мокрой деревянной решетке, лодочник поочередно освободил защелки, приподнял крышку и заглянул внутрь. Там, прикрытые полупрозрачным полиэтиленом, отсвечивали вороненым металлом плотно, один к одному, уложенные рядком автоматы Калашникова. Снаряженные магазины, по два на каждый ствол, штык-ножи и подствольные гранатометы обнаружились во втором ящике.

– Ну, доволен? – насмешливо поинтересовался рыжеватый. – Гляди, какой деловой, еще и проверяет! Не бойся, не китайское фуфло – машинки рабочие, с гарантией качества, из самой, понимаешь ли, Тулы!

– Да мне по барабану, откуда они, – опуская крышку и защелкивая металлические застежки, буркнул «сталкер», – хоть из Биробиджана. Главное, чтоб все было на месте. А то откроет, скажем, заказчик вот эту коробку, а там вместо стволов кирпичи битые или какие-нибудь ржавые трубы. Водопроводные. Где, спросит, мой товар? Не ты ли, морда лесная, его прикарманил? Так что, мужики, без обид.

– Это правильно, – вытряхивая из пачки сигарету, одобрил его предусмотрительность усатый. – Недаром говорится: дружба крепче, когда денежки посчитаны...

Он вдруг замолчал, уставившись остановившимся взглядом куда-то поверх плеча лодочника, как будто там, на реке или на другом берегу, внезапно появилась какая-то невидаль. «Сталкер» машинально обернулся, но за спиной у него не было ничего нового или необычного. Там виднелась все та же рябая от ветра река, а на другом ее берегу – такие же, как здесь, тростники и колышущиеся на ветру ивовые заросли с пробегающими по ним серебристыми волнами. На то, чтобы в этом убедиться, хватило доли секунды, а когда лодочник снова повернулся к усатому, чтобы спросить, на что это он уставился, тот уже начал падать. Пачка дорогого «кента» вывалилась из помертвевших пальцев, усеяв мокрый песок тонкими сигаретами с длинными бледно-серыми фильтрами, взгляд остекленел, колени подломились, и усатый вдруг повалился прямо на лодочника. Тот машинально посторонился, усатый упал с глухим шумом, как поваленное дерево, и с неприятным тупым стуком ударился лицом о борт моторки. Его голова отскочила от дюралевого фальшборта, как тяжелый неживой предмет, тело перевернулось и боком съехало на песок, где и осталось лежать с поджатыми ногами и свернутой набок, как у висельника, головой. На разрисованном камуфляжными разводами металле осталась смазанная темно-красная полоса.

– Засада! – первым сообразив, в чем кроется причина наблюдаемого странного явления, выкрикнул рыжеватый и, передернув затвор, направил автомат на лодочника. – Ах ты, сучий нос!..

«Сталкер» не успел ничего сказать в свое оправдание: еще одна пуля, ударив в висок, мгновенно сняла с него все подозрения. Он молча упал на сырой истоптанный песок, накрыв своим телом подвернутые ноги усатого в растоптанных, порыжелых армейских ботинках.

Звука выстрела, как и прежде, никто не услышал. Брюнет с атлетической фигурой взревел быком, вскинул автомат и наугад полоснул длинной очередью по кустам. От грохота заложило уши, во все стороны брызнули сбитые ветки и листья, пули защелкали по стволам, прокладывая себе путь в никуда сквозь непролазные заросли, в тени которых шелестел камыш и

плескалась темная речная вода. В кустах на противоположной стороне пляжа, у него за спиной, никем не замеченный, взлетел и развеялся по ветру легкий синеватый дымок. Не переставая стрелять, брүнет упал на колени. Рожок автомата опустел, затвор выбросил последнюю дымящуюся гильзу и лязгнул вхолостую, курящийся пороховым дымком ствол уткнулся в землю, и брүнет рухнул ничком, уткнувшись лицом в сырой песок и подставив дующему с реки ветру простреленный, коротко остриженный затылок.

Бывший боксер с волосами, из-за цвета которых разные люди в разное время норовили наградить его неблагозвучной кличкой «Ржавый», не стал играть с судьбой в орлянку, паля в белый свет, как в копеечку. Чтобы ни говорили о нем за несколько минут до смерти его компаньоны, он был самым сообразительным из них. Именно поэтому он очутился около водительской дверцы «уазика» едва ли не раньше, чем пляжный атлет испустил дух – кстати, именно на пляже, хотя и мало напоминающем те, на которых покойный брүнет красовался перед девушками при жизни.

Ключ торчал в замке зажигания. Не успевший остыть двигатель завелся сразу, словно только того и ждал. Рыжеватый выжал сцепление и подвигал разболтанным рычагом, нащупывая первую передачу. Найти ее бывало нелегко даже в более спокойной обстановке; продолжая давить на сцепление и слепо тыкать рычагом, возвращая его в нейтральное положение всякий раз, когда шестерни коробки передач издавали протестующий скрежет, он поставил ногу на педаль тормоза и отпустил затянутый до упора ручник.

В это время кусты у самой воды раздвинулись, и на пляж вышел человек, которого раньше здесь не было. Он был выше среднего роста, темно-русый и щеголял в обычном для здешних мест наряде – камуфляжном костюме и армейском кепи без кокарды. Из-под козырька кепи поблескивали солнцезащитные очки-«хамелеоны», стекла которых сейчас, при солнечном свете, были дымчато-темными, лицо покрывал пятнистый грим, состоявший из чередующихся косых зеленых и коричневых полос, а опущенная рука в тонкой кожаной перчатке сжимала пистолет с длинным глушителем. Никуда не торопясь, незнакомец спокойно занял огневую позицию напротив заднего борта машины. Борт по-прежнему был открыт нараспашку, край брезентового полога лежал на крыше, в результате чего кузов «уазика» просматривался насквозь. Рука в перчатке, удлиненная увесистым вороненым набалдашником глушителя, поднялась на уровень глаз, указательный палец плавно нажал на спусковой крючок. Раздался почти неслышный за шумом ветра и бормотанием работающего на холостых оборотах мотора свистящий хлопок, пистолет злобно дернулся, отбросив руку стрелка назад и задрал кверху ствол. Стреляная гильза, дымясь, беззвучно упала в песок, и видневшаяся над спинкой водительского сиденья коротко остриженная рыжеватая голова клюнула носом, ударившись лбом о пластмассовый обод рулевого колеса. На ветровом стекле мгновенно возник подвижный, оплывающий узор кровавых потеков и клякс; красные тормозные огни погасли, когда нога мертвого водителя перестала давить на педаль, машина тронулась с места и покатила под откос, к реке.

Левое заднее колесо подпрыгнуло, наехав на ногу мертвого брүнета, правое глубоко вдавило в песок брошенный рыжеватым боксером автомат. Стрелку пришлось посторониться, чтобы набирающая скорость машина его не сбила. Послышался гулкий удар, когда пыльный стальной бампер ударился о дюралевый нос моторки. Лодка сползла с берега, закачавшись на воде крошечной, окруженной тростниковыми зарослями бухточки, а машина остановилась у самой кромки воды, почти сразу по ступицы задних колес погрузившись в рыхлый, пропитанный влагой песок. Двигатель продолжал работать, стеля над мелкой волной сизый, знакомо пахнувший бензином дымок из выхлопной трубы.

Перешагивая через разбросанные по берегу тела и оружие, на ходу убирая в наплечную кобуру пистолет, стрелок спустился к реке и, по щиколотки войдя в воду, забрался в лодку. Мотор два раза чихнул и взревел, лодка развернулась, описав дугу, задрала нос и, волоча за

собой пенные усы, двинулась вверх по течению. Когда она вышла на середину реки, стрелок один за другим с натугой поднял и, перевалив через борт, выбросил в воду тяжелые ящики.

* * *

Оглашая низкие берега ровным гулом мотора, спугивая гнездящихся в зарослях тростника птиц, которые то и дело целыми стаями поднимались оттуда и начинали с сердитыми криками кружить над водой, быстроходный катер двигался вниз по течению Припяти. Пластиковый корпус легкого суденышка был покрыт аэрографией, рисунок которой довольно удачно имитировал освещенную солнцем мелкую речную волну. Такой «водоплавающий» камуфляж, когда-то имевший сугубо утилитарный, практический смысл, с некоторых пор превратился в обычное украшение: на борту конфискованного у контрабандистов катера гордо красовалась эмблема речного патруля. Нашивки с такой же эмблемой виднелись на рукавах камуфляжных курток двоих мужчин, что с удобством расположились на мягких дерматиновых сиденьях. Здесь, на вверенной их попечению территории, они были полновластными хозяевами; здесь им некого было бояться и не от кого прятаться – напротив, все живое на этих зараженных радионуклидами землях, за исключением разве что волков да расплодившихся в невероятных количествах диких кабанов, обходило их десятой дорогой. Здешные места стремительно дичали, природа отвоевывала у человека то, что он когда-то у нее отнял и чем не сумел правильно, по-хозяйски распорядиться, и тут, на безлюдье, имея в руках оружие, а за плечами – непререкаемый авторитет закона, действительно, легко было почувствовать себя настоящим хозяином округи.

Над рекой, почти касаясь воды острыми серповидными крылышками, стремительно проносились стрижи. Мошकारа, за которой они охотились, с едва различимым за треском двигателя стуком разбивалась вдребезги о плоское ветровое стекло катера. Ветер крепчал, на середине реки волны уже украсились пенными гребешками, небо над северо-западным краем горизонта приобрело угрожающий черно-синий цвет – надвигалась гроза, которую с точностью, в данном случае представлявшей явно излишней, предсказали синоптики. Мелкая волна коротко, зло била в днище, заставляя лодку подпрыгивать, мелкие брызги оседали на одежде и лицах, так что временами было трудно понять, начался практически неизбежный дождь или еще нет.

Вскоре впереди показался островок – просто намытая течением, сплошь заросшая вездесущим ивняком плоская отмель, расположенная почти точно по центру речного русла. Рулевой, на ярко-зеленых пограничных погонах которого неярко поблескивали две вертикально расположенные звездочки прапорщика, направил катер к подветренной стороне островка – туда, где на прибрежной мели лежал на боку ржавый, обросший бурными космами мертвых водорослей, наверняка хорошо помнивший времена расцвета советской империи бакен. Заглушив мотор, прапорщик аккуратно обогнул торчащую из мелкой воды корягу и, вынув из-под сиденья, выбросил за борт якорь – плетеную веревочную сетку на нейлоновом шнуре, набитую ржавыми железками – гириями от весов, шестернями от коробки передач трактора «ЮМЗ» и прочим металлоломом, при отборе которого главным критерием служил большой удельный вес.

Груз, булькнув, ушел под воду и лег на недалекое дно. Прапорщик выбрал слабинку и затянул узел веревки на торчащей из борта проушине. Его напарник, погоны которого украшали капитанские звездочки, посмотрел на часы. К месту встречи они прибыли почти минута в минуту – сказывались чисто армейская привычка к пунктуальности и богатый опыт перемещения по здешним диким местам, благодаря которому все местные старожилы, ничего не рассчитывая наперед и не особо напрягаясь, оказывались в нужное время в нужном месте, несмотря на любые помехи. (Скорее всего, так происходило просто потому, что упомянутые

помехи возникали практически всегда, давно стали привычным явлением и потому включались в расчет времени машинально, на подсознательном уровне).

– Пяток минут подождем, – сказал капитан, обращаясь к напарнику.

На протяжении последнего полчаса они почти не разговаривали – мешал плотный рев мощного японского мотора, да и говорить, собственно, было не о чем. Но теперь, когда возникла пауза, ее не грех было заполнить ленивым обменом мнениями обо всем и ни о чем.

– Почему не подождать? – пожал широкими плечами прапорщик. Он был грузный, широколицый и носил пышные, любовно ухоженные, подстриженные и расчесанные волосок к волоску темные усы. – Солдат спит – служба идет...

В паре десятков метров от места их якорной стоянки в зарослях ивняка на островке лежала старательно замаскированная свежесрезанными ветками резиновая лодка. В ней, не без комфорта раскинувшись на надувных подушках и укрывшись от ветра и комарья прорезиненным зеленым плащом от общевойскового комплекта химической защиты, полулежал некий худощавый гражданин в потрепанной полувоенной одежде, делавшей его неотличимо похожим на промышляющего браконьерством аборигена. На то же намекали покрытые густым ранним загаром лицо и руки, кисти которых изобиловали подсохшими, находящимися на различных стадиях заживления, царапинами и ссадинами, заработанными, скорее всего, во время возни с сетями, силками и прочей находящейся вне закона браконьерской снастью.

Лежащий под рукой помповый дробовик с облезлым стволом и исцарапанным прикладом и сильный полевой бинокль в потрепанном чехле превосходно вписывались в образ аутло – лесовика и отшельника, на свой страх и риск покинувшего населенные людьми места и вверившего свою судьбу здешним радиоактивным божкам. А вот дорогая цифровая фотокамера с мощным телескопическим объективом из этого образа решительно выбивалась – здесь и сейчас она выглядела так же неуместно, как балетная пачка на талии идущего на штурм захваченного террористами здания спецназовца.

Пока что камера спокойно лежала на резиновом дне лодки, но ее владелец знал, что вскоре она ему понадобится, поскольку явился сюда именно затем, чтобы ею воспользоваться. Сидевшие в раскрашенном под речную волну катере люди были ему хорошо знакомы, хотя общаться им пока не доводилось. Общение было не за горами: далеко отсюда, в Москве, кто-то решил, что эту сладкую парочку пора взять в плотную работу. Они достаточно долго вкушали хлеб хищения и пили вино беззакония, чувствуя себя единовластными хозяевами округа, которым не писаны никакие законы. Любишь кататься – люби и саночки возить; американцы говорят иначе: бери, что хочешь, но не забудь заплатить, – но смысл обоих высказываний одинаков: сколь веревочке ни виться, конец все равно будет. Густо пропитанная кровавой грязью бечевка, которую в компании себе подобных на протяжении нескольких лет заплетали эти двое, разматалась практически до конца. Дальнейшая слежка за ними вряд ли могла дать какую-либо новую информацию; настал их черед превращаться из объектов скрытого наблюдения в добросовестных информаторов.

Осуществить эту волшебную метаморфозу было поручено человеку в резиновой лодке. Здесь, в зоне, он был известен как Струп – браконьер, рыбак и охотник, мелкий контрабандист, а при случае – опытный проводник, знаток тайных лесных троп и речных протоков, способный, в случае чего, полюбовно утрясти любую проблему с егерями и пограничниками. В Москве, на Лубянке, его знали как майора Бурсакова; впрочем, Струп безвылазно просидел тут, на Припяти, так долго, что уже начал сомневаться, какое из его многочисленных имен настоящее.

Рассмотрев ставшую на якорь лодку в бинокль и убедившись, что в ней сидят именно те, кто должен сидеть, Струп отнял от глаз окуляры и хлебнул крепкого холодного чая из алюминевой солдатской фляжки в вылинявшем почти добела брезентовом чехле. Он с удовольствием представлял себе предстоящий разговор с этими двумя упырями в погонах – сначала с одним, потом со вторым. Начать, видимо, лучше с капитана. Несмотря на старшинство по зва-

нию, против своего подчиненного он жидковат, и первую скрипку в этом криминальном дуэте играет, несомненно, прапорщик. Когда капитан расколется, его записанные на видео показания станут для прапорщика дополнительным аргументом в пользу добровольного сотрудничества со следствием. И ах, с каким наслаждением Бурсаков сотрет, наконец, с этих сытых рыл привычное выражение хмуρο-надменного превосходства!

Он даже знал, как все это будет. Травянистый речной бережок, мокрые сети на траве с застрявшими в ячейках водорослями и мелкой рыбешкой и суровый блюстителъ закона, который обнаруживает среди вещей задержанного браконьера небезызвестный фотоаппарат, пролистывает снимки и вдруг перестает быть суровым...

В натуре майора Бурсакова присутствовала ярко выраженная артистическая жилка, благодаря которой он всегда предпочитал спокойной кабинетной работе рискованные операции под прикрытием. Начальство в лице генерала Тульчина не единожды указывало майору на излишнюю, с какой стороны ни глянь, затейливость некоторых его комбинаций, но комбинации эти неизменно оказывались удачными, а победителей не судят. И, если все равно приходится пачкать руки, давя очередную гниду, почему не получить от процесса маленькое, невинное удовольствие?

Над головой глухо, неровно шумели пригибаемые ветром ивы, волны беспорядочно плескались, набегая на сырой, покрытый растительным мусором, мертвыми ракушками и гниющими водорослями песок. Перед лицом, разочарованно зудя, толклись комары: несмотря на старательно создаваемый имидж лесного отшельника с непробиваемо толстой, лишенной чувствительности шкурой, отправляясь в очередное странствие по радиационному заповеднику, Струп никогда не забывал прихватить с собой пару тюбиков репеллента, так что сейчас, как и всегда, поживиться кровососам было нечем.

Лежа на мягко пружинящих надувных подушках, Бурсаков продумывал план предстоящих действий. Оружие, в транспортировке которого через зону на этот раз участвовали объекты наблюдения, как обычно, должны выгрузить на берег километрах в семи выше по течению. Оттуда ящики посуху переправят в выселенную деревню, от которой нынче осталось всего ничего – несколько заросших кустами и бурьяном гнилых руин посреди вернувшегося на свою исконную территорию леса да медленно разрушающаяся будка из силикатного кирпича – бывший деревенский магазин. Там, в магазине, оборудован тайник, откуда ящики через парутройку дней заберут другие курьеры, чтобы непростым кружным путем переправить сначала на Балканы, а затем в Европу. За эту пару дней майор Бурсаков обязан успеть наведаться в деревню и незаметно разместить в одном из ящиков радиомаячок, сигнал которого позволит европейским коллегам отследить маршрут контрабандного груза до самого заказчика. А уж потом, когда эта рискованная процедура останется позади, настанет черед этих двоих клоунов из речного патруля. Вот за кого он возьмется с превеликим удовольствием!

Комариный писк усилился, сделавшись ровным и басовитым. Струп напрягся: уж не шершень ли? – но тут же сообразил, что слышит звук мотора поднимающейся вверх по течению лодки. Позиция для наблюдения была выбрана вдумчиво, с умом, так что теперь ему даже не нужно было менять позу, чтобы лучше видеть происходящее на реке: своевременно подсуетившись, он занял местечко в центре партера, откуда арена предстоящих событий была видна, как на ладони.

Из-за излучины реки показалась моторка. Ее дюралевый корпус был размалеван камуфляжными разводами и пятнами, что позволяло, двигаясь вдоль берега, сливаться с пестрым фоном растительности. Но сейчас легкое суденышко шло, ни от кого не прячась, по самой стремнине, и немудрено: те, кого при ином раскладе стоило бы опасаться, были в доле.

Патрульные в стоящем на якоре катере зашевелились. Толстопузый прапорщик даже встал за штурвалом и, как Илья Муромец на известной картине, посмотрел на приближающуюся моторку из-под приставленной к козырьку ладони. Сильный порыв ветра качнул катер,

заставив толстяка схватиться за едва не улетевшее в реку кепи и торопливо опуститься на сиденье. Убедившись, что угроза расстаться с головным убором и бултыхнуться за борт миновала, он что-то сказал напарнику, указав рукой на упрямо борющуюся с течением и сильным боковым ветром лодку. Капитан ответил, и оба засмеялись.

– Веселитесь, голубчики, – одними губами проговорил Струп, наблюдая за ними в бинокль, противобликовые линзы которого недобро отсвечивали красным. – Знали бы вы, чему радуетесь!

Без суеты и спешки зачехлив бинокль, он вооружился фотоаппаратом, включил его и, направив любопытный глаз объектива на патрульный катер, отрегулировал увеличение. Это, конечно, был мартышкин труд, поскольку кроме крупных планов ему были нужны еще и общие, но неподвижно лежать, стараясь на вдохе не наглотаться комаров, было уже невозможно.

Моторка приближалась. Это была «казанка» Цыгана – здешнего уроженца, который после аварии на ЧАЭС и переселения не прижился на новом месте и полтора десятка лет назад вернулся в обезлюдившие родные края, подальше от закона и поближе к легкой наживе. Легкой, разумеется, в понимании человека, с детства привыкшего ловко управляться с сетями, силками, капканами и всем прочим, с чем должен уметь управляться человек такого сорта. Никаким цыганом он на самом деле не являлся, прозвище свое получил из-за характерной, истинно цыганской наружности, а когда, разжившись деньжатами, обзавелся собственной «казанкой», немногочисленные аборигены очень скоро начали называть его посудину не иначе как «цыганкой».

На какое-то время «цыганка» исчезла из вида, скрытая оконечностью островка, а когда снова появилась в поле зрения, от патрульного катера ее отделяло каких-нибудь полтора десятка метров. Она двигалась довольно быстро и сидела в воде слишком высоко для посудины, на борту которой находятся четыре человека и два ящика стрелкового оружия. Прапорщик снова привстал, вглядываясь в приближающуюся лодку, но солнечные блики, сверкавшие на плексигласовом ветровом щитке «казанки», слепили глаза, мешая рассмотреть, кто находится внутри.

Моторка подошла еще ближе. В эту секунду, словно кто-то там, наверху, внял безмолвной молитве прапорщика, солнце скрылось за краем наступающей с запада грозовой тучи. Мгновенно стало темнее, дуновения приближающейся грозы, до сих пор приносившие приятную прохладу, начали пробираться до костей. Гроыхнул далекий громовой раскат, в лицо опять пахнуло свежим, напоенным запахами дождя и озона ветром. Мотор «цыганки» заглох, лодка слегка отвернула в сторону, чтобы с разгона не протаранить патрульный катер, и прапорщик увидел, что в ней сидит всего один человек. Будто затем, чтобы дать себя хорошенько разглядеть, человек этот поднялся во весь рост внутри бесшумно скользящей по воде, с каждым мгновением сокращающей отделяющее ее от катера расстояние моторки. Он был высокий, темно-русый, носил своеобразный в здешних диких местах камуфляж, армейское кепи без кокарды и солнцезащитные очки с фотохромными стеклами, которые затемнялись тем гуще, чем ярче был падающий на них свет. Сказать об его внешности что-либо еще не представлялось возможным, поскольку физиономия этого персонажа была сплошь покрыта коричнево-зеленым гримом, как у разведчика во время вылазки в глубокий тыл противника или сидящего в засаде снайпера.

Прапорщик не успел даже по-настоящему удивиться этому нелепому, неуместному, сбивающему с толку макияжу. «Цыганка» подошла к катеру почти вплотную, стоящий в ней человек вскинул правую руку, и в сереньком предгрозном полусвете тускло блеснул вороненый металл оснащенного длинным глушителем пистолета. Послышался короткий свистящий хлопок, слабый дымок унесся вместе с ветром, и прапорщик, грузно упав обратно на сиденье, тяжело завалился набок, свесив через борт простреленную голову. Из расположенного над правым глазом входного отверстия показалась кровь и, прочертив через лоб короткую косую

полоску, закапала в воду. Свалившееся с облысевшей макушки кепи неторопливо двинулось в недалекий ввиду его скверных судоходных качеств путь вниз по течению, в направлении Днепра и Черного моря.

Капитан, который был на десять лет моложе, на двадцать килограммов легче и на три порядка ловчее своего избалованного непыльной работенкой и хорошим питанием напарника, среагировал на изменение обстановки достаточно быстро, а главное, абсолютно правильно. Он схватился за автомат раньше, чем прозвучал первый выстрел, и, передернув затвор, рефлекторно вскочил. Последнее было ошибкой, которая незамедлительно стала роковой: когда убитый прапорщик тяжело рухнул обратно на сиденье, катер сильно качнуло, и капитан потерял драгоценные доли секунды, пытаясь удержать равновесие и не кувыркнуться вниз головой за борт. Справившись с этой задачей, он начал выпрямляться, и в это мгновение человек в старомодных «хамелеонах» выстрелил снова.

Стрелял он без промаха, и его мишень послушно, как в кино, опрокинулась навзничь, грохнувшись спиной и затылком о крышку моторного отсека. Рукоятка автомата выскользнула из разжавшихся пальцев, и «Калашников», печально булькнув на прощанье, мягко опустился в пушистый ил на мелководье.

– Ну, не сука?! – вполголоса, но с большим чувством воскликнул засевший в гуще ивняка майор Бурсаков и опустил фотоаппарат, которым успел нащелкать десятка полтора отличных, качественных и весьма красочных кадров – увы, совсем не тех, которые рассчитывал отснять. – Что ж ты, сволочь такая, творишь?

Его риторический вопрос, как и подавляющее большинство таких вопросов, остался без ответа. «Казанка» с негромким стуком ударилась бортом о борт патрульного катера. Убийца, по-прежнему стоявший в ней во весь рост, небрежно, почти не целясь, выстрелил еще раз. Пуля с отчетливым треском ударила в основание пластиковой проушины, к которой был привязан заменяющий якорную цепь нейлоновый шнур. Вырванная с мясом проушина отскочила на метр и плюхнулась в воду, увлекая за собой мокрый швартов. Получивший свободу катер неуверенно, словно опасаясь сердитого окрика, повернулся вокруг оси, нащупывая носом течение, плавно отчалил и, набирая ход по мере удаления от берега, отправился догонять кепи покойного прапорщика.

Мотор «казанки» взревел, поднятая ею волна качнула катер, оттолкнув его еще дальше от заросшего тростником и ивами плоского берега. Лодка быстро скрылась из вида, идя вверх по реке, против течения. Когда звук работающего мотора стих вдалеке, майор Бурсаков медленно выбрался из своего укрытия и беспомощно уставился вслед дрейфующему вниз по течению катеру с двумя мертвыми телами на борту – теми самыми, владельцем которых он мысленно уже видел своими информаторами. Теперь об этом, как и о многом другом, следовало поскорее забыть; приходилось констатировать, что почти полгода кропотливой и опасной работы пущены драной козе под хвост всего лишь двумя меткими выстрелами.

В небе послышался треск, и сразу же ударил оглушительный громовой раскат. Дождь хлынул стеной, словно там, наверху, кто-то опрокинул чудовищных размеров ванну, река мгновенно сделалась рябой от миллионов падающих на ее поверхность тяжелых капель, вздулась пузырями и буквально на глазах помутнела, утратив даже ту относительную прозрачность, которой могла похвастать минуту назад. Ветер пополам с дождем остервенело хлестал мокрые кусты, заставляя их яростно раскачиваться, молнии били одна за другой, раздирая небо в клочья. Медленно плывущий вниз по течению катер речного патруля мгновенно скрылся из вида за мутной пеленой ливня, утонув в повисшей над водой дымке мелких капель.

Примерно через час, сделав несколько непродолжительных остановок там, где течение прибывало его к выступам берега или торчащим из воды корягам, он проплыл мимо крохотного, окруженного зарослями тростника и ивами пляжа, на краю которого, у самой кромки воды, намертво увязнув в мокром песке, стоял «уазик» с открытым задним бортом. Двигатель

все еще продолжал бормотать на холостых оборотах, плюясь голубоватым дымком из почти касающейся воды выхлопной трубы. На рябом от только что закончившегося дождя песке темнели тела в промокшем до нитки камуфляже; разбросанный каплями песок налип на пятнистую ткань, мокрый металл казенников и мертвые лица.

Лежащий на корме катера капитан пограничной службы Мурашко открыл глаза. Отвернуться уже не осталось сил, и ему пришлось во всех подробностях рассмотреть медленно проплывающую мимо, подернутую легкой, лениво шевелящейся дымкой поднимающихся от воды испарений картину. Охваченный предсмертной апатией мозг холодно, без эмоций оценил увиденное и сделал лежащие на поверхности выводы. После чего утомленный этой непосильной в его состоянии работой капитан устало закрыл глаза и умер, чем окончательно уравнил себя, напарника и конфискованный у контрабандистов быстроходный катер с плывущим слева по борту пучком мертвых водорослей и прочим движущимся вниз по течению мусором.

Глава 3

Укрепленный на штативе складной экран мигнул, и на нем появилось изображение легкого катера, уткнувшегося носом в деревянную опору низкого, явно готового завалиться от сильного порыва ветра моста. Рулевой, грузный усатый мужчина в камуфляже с погонами прапорщика, сидел на своем месте в такой позе, словно просто задремал, используя борт слева от себя в качестве подушки. Второй в позе распятого раскинулся на крышке моторного отсека; снимок был сделан с точки, позволявшей рассмотреть картину во всех подробностях.

Изображение опять мигнуло, сменившись новым слайдом. На экране появился сфотографированный с реки, явно из проплывающей мимо лодки, крошечный пляж – просто полукруглая проплешина в сплошных, непролазных зарослях ив и тростника. На самом его краю, глубоко увязнув в мокром песке и почти касаясь выхлопной трубой воды, стоял потрепанный «уазик» с брезентовым верхом и открытым настежь задним бортом. На песке виднелись тела каких-то людей в камуфляже и темные продолговатые предметы, которые при внимательном рассмотрении здорово смахивали на автоматы. Серия последующих снимков была сделана уже на берегу: труп в кабине, уткнувшийся лбом в баранку, труп, чуть ли не по самые уши зарывшийся лицом в сырой песок, с неестественно вывернутой ногой, поперек которой протянулся сглаженный ливнем след автомобильной покрывки; еще два тела, неровным крестом лежащие друг на друге...

– Стреляли из пистолета с глушителем, – произнес в темноте низкий хриловатый голос. – Предположительно, из «Стечкина». На каждого потрачено всего по одному патрону, так что, судя по всему, работал профессионал – настоящий снайпер, виртуоз.

– Это факт, – перебив его, прозвучал другой голос. – Пиф-паф, ой-ой-ой... Шесть человек, все вооружены до зубов, а он перешелкал их, как в тире, и спокойно ушел. Да, это настоящий профи.

– Спасибо, майор, – не без яду поблагодарил первый голос. – Я рад, что моя догадка не вызвала у вас возражений. Иначе я бы просто не знал, как жить дальше.

– Виноват, – торопливо и покаянно сказал тот, кого обладатель хриловатого голоса назвал майором.

Кто-то тихонько хихикнул. Возникла пауза, сделанная явно для того, чтобы дать присутствующим время снова настроиться на деловой лад, после чего на экране появилось увеличенное изображение какого-то человека в солнцезащитных очках, с размалеванным зелеными и коричневыми полосами лицом. Человек целился в кого-то из пистолета с глушителем; глушитель был длинный, вороненый, с мелкой насечкой, чтобы не скользил в ладони, явно фабричной выделки. При таком увеличении было отчетливо видно, что пистолет – именно «Стечкин», безо всяких «предположительно». Но присутствующие, наученные горьким опытом майора, предпочли воздержаться от комментариев, тем более что в данном конкретном случае марка пистолета вряд ли имела большое значение.

– Нашему полевому агенту удалось его сфотографировать, – продолжал в темноте хриловатый голос. – Везение просто небывалое, но толку от него, как вы можете убедиться, немного. Наши компьютерщики убрали у него с физиономии грим, но ракурс... Да вот, смотрите сами.

Кадр на экране сменился. Вернее, снимок остался тем же, но косые камуфляжные полосы с лица стрелка бесследно исчезли, оно приобрело свойственный не слишком качественным шедеврам компьютерной графики неживой «телесный» цвет. Толку от этого, действительно, было немного, потому что всю нижнюю половину лица скрывало плечо поднятой для выстрела руки, а во всех подробностях разглядеть верхнюю мешали солнцезащитные очки и козырек низко надвинутого армейского кепи.

– Как видите, дело табак, – заключил хрипловатый голос, принадлежащий начальнику отдела генерал-майору Тульчину. – Фигуранты, которых мы разрабатывали почти шесть месяцев, убиты, груз бесследно исчез – вероятнее всего, просто уничтожен, – и все, что мы имеем – это вот эта фотография, на которой может быть изображен буквально кто угодно.

Экран погас, в кабинете беззвучно вспыхнул свет, после почти полной темноты показавшийся нестерпимо ярким. Присутствующие задвигались, щурясь и прикрывая глаза руками. Генерал, сидевший за своим столом вполоборота, чтобы видеть расположенный в углу экран, развернулся вместе с вертящимся креслом и, положив подбородок на сцепленные в замок ладони, исподлобья воззрился на своих подчиненных, что разместились по обеим сторонам длинного стола для совещаний.

– Как видите, – повторил он, – плясать опять приходится от самой печки. Кто-нибудь хочет высказаться? Ты, майор? Валяй.

Обращение на «ты», означавшее, что его неуместная выходка с цитированием детского стишка про зайчика если не забыта, то, по крайней мере, прощена, приободрило майора. Он был сравнительно молодой, не старше тридцати пяти, высокий, спортивный и со стороны более всего напоминал успешного менеджера среднего звена, работающего в крупной нефтяной компании – был одет с иголки, идеально подстрижен и ухожен. Из-под белоснежной манжеты на его левом запястье скромно выглядывали швейцарские часы в массивном золотом корпусе, а смешанный аромат дорого табака и элитного французского парфюма образовывал как бы его собственную, личную атмосферу, благоухающим облачком окутывавшую всякого, кто оказывался от майора на расстоянии двух метров. Злые языки поговаривали, что он делает маникюр; взглянув на его ногти, в это было нетрудно поверить, что, в свою очередь, пробуждало желание проверить правдивость распространяемых теми же языками слухов о педикюре. Фамилия его была Барабанов; генерал Тульчин прощал ему многое, потому что работником он был хорошим.

– Почему же от печки? – пожав широкими плечами, казавшимися еще шире из-за отменно сидящего дорогого пиджака, возразил генералу майор Барабанов. – Благодаря Струпу мы уже недурно разобрались во взаимоотношениях задействованных в организации трафика групп и лиц, многих знаем в лицо и поименно... Если груз не похищен...

– Найти его не удалось, – сказал генерал, – и все косвенно указывает на то, что его просто уничтожили. Оружие убитых, деньги, документы, лодки – все осталось на месте. Разбойники и мародеры так не действуют, эти не побрезговали бы ничем – кроме, разве что, носков да нижнего белья.

– Независимо от судьбы груза, который все-таки могли присвоить, это говорит в пользу моей версии, – заявил Барабанов.

– И в чем же она заключается?

– Внутренние разборки, – сказал майор. – Возможно, это попытка вытеснить Бурого с его бригадой из бизнеса, а может быть, обыкновенная месть – деньгами с кем-нибудь не поделился или еще каким-то образом наступил на большую мозоль... Надо просто передать Струпу, чтобы держал ушки на макушке. Рано или поздно тот, кто организовал эту бойню, себя проявит.

– Струп и без наших указаний держит ушки в надлежащем положении, – заметил один из участников совещания – рано посевший, но не утративший хищной мужской красоты подполковник Федосеев. – Еще немного, и они у него на темечке в косичку заплетутся. Если там, на маршруте, произойдет что-то достойное внимания, он это не пропустит.

– Тем не менее, отправить ему сообщение необходимо, – сказал генерал. – Хотя твоя версия, майор, оригинальностью, прямо скажем, не блещет. Прямо на поверхности лежит, наклоняйся и бери...

– Бритва Оккама, – быстро возразил строптивый Барабанов, – принцип экономии мышления. Он гласит, что не надо без необходимости умножать сущности. Говоря простыми сло-

вами, если впотьмах, да еще и спьяну, треснулся лбом о косяк, для объяснения этого происшествия не следует приплетать божий промысел, нечистую силу или, скажем, инопланетян.

– Я знаю, что такое бритва Оккама, – недовольно проворчал Тульчин. – Хотя в твой интерпретации данный философский постулат звучит достаточно свежо и необычно. И все же я попросил бы всех – и тебя, майор, в том числе, – напрячь умственные способности. Причем хотелось бы, чтобы результатом этого напряжения стали нормальные, жизнеспособные рабочие версии, а не словоблудие а-ля Валерий Игоревич Барабанов. Ну?

– Народный мститель, – после довольно продолжительной паузы предположил один из оперативников. По кабинету пронесся невнятный шум, в котором без труда можно было различить насмешливое фырканье, откровенное хихиканье и отпускаемые вполголоса саркастические реплики: «Дубровский» и «Робин Гуд».

– М-да, – сказал генерал. – Я же просил сосредоточиться!

– Прошу прощения, Андрей Константинович, – упрямо наклонил бритую под ноль голову автор насмешившей участников оперативного совещания версии. – Я понимаю, как это звучит, и все же разрешите привести некоторые соображения.

– Валяй, – разрешил Тульчин, – обосновывай. Я бы предложил остальным продумать контраргументы, но, судя по всеобщему веселью, их и так более чем достаточно. Итак?

– Обоснования простые, – сказал оперативник. – Этих психов, которые, не дождавшись помощи от закона, начинают собственноручно восстанавливать справедливость, хватает где угодно, даже в Москве. И не надо забывать, в каких местах, в какой обстановке, между какими людьми все это произошло. Там у каждого на руках ствол, и не один, и стволами этими они пользуются чаще, чем вилок и столовым ножом. Это или какой-нибудь идейный борец за конституционный порядок с хорошей военной подготовкой и целой кастрюлей тараканов в башке, или просто обиженный из местных – с дочкой его кто-нибудь из этой компании позабавился, жену мимоходом убили или просто собаку пристрелили – да мало ли!.. Лет ему, судя по фотографии, не меньше сорока – ну, может быть, тридцати пяти, тридцати семи... То есть прогуляться по горячим точкам и приобрести соответствующие навыки вкупе с афганским синдромом он мог вполне. И тамошние места для такого, как он, – настоящий рай. Ни тебе врачей, ни полиции, ни надоедливых соседей... Словом, чем меньше вокруг людей, тем ниже вероятность сгоряча отвинтить кому-нибудь голову и загреметь за проволоку. Жил себе человек спокойно, никого не трогал, браконьерствовал потихоньку, а тут – Бурый со своей шайкой. Он за конституционный порядок кровь проливал, а этим отморожкам все до фонаря – и он, и порядок...

– Логика налицо, – остановив его движением ладони, медленно согласился генерал. – Бредовая, конечно, но логика. Что ж, будем надеяться, что Игорь Степанович прав, – он коротко кивнул в сторону подполковника Федосеева, – и Струп действительно держит ушки на макушке. Если так, то слух о появившемся в тех краях неуловимом мстителе с навыками профессионального снайпера мимо этих ушей точно не пройдет. Другие версии будут?

– Операция спецслужб, – подал голос немолодой рыжеусый человек, сидевший на самом дальнем от генерала краю стола. В пиджаке он выглядел грузным, даже толстым, но это впечатление было обманчивым: все внутреннее пространство его просторного, слегка лоснящегося в районе локтей и сидалища одеяния заполняла мощная мускулатура. Про таких говорят: ударь ломом – не погнется, так отскочит. Насчет лома генерал Тульчин не знал, но вот доски различной толщины и даже дубовые брусья на его глазах о подполковника Уварова ломали неоднократно – как правило, без сколько-нибудь заметного вреда для его богатырского здоровья. При этом голова у него тоже работала, как надо; если бы не возраст и вошедшая в поговорки осмотрительность, Уваров мог бы претендовать на роль классического героя боевика. – Возможно, украинских, – продолжал подполковник, – возможно, белорусских, а возможно, что и наших. Не мне вам объяснять, – добавил он, – что такое на самом деле четкое, отлаженное взаимодействие, о котором в последнее время так полюбили болтать в новостях. Какие-нибудь

ухари из братских республик краем уха слышали звон и поторопились отрапортовать наверх о закрытии очередного канала транзитных поставок контрабанды. Они это ох, как любят!

– Это все любят, не только они, – вздохнул Тульчин. – Да, Струпу придется-таки повертеться, проверяя на месте все эти версии... Это все? А вы, Игорь Степанович, – обратился он к Федосееву, – ничего нам не скажете? Может, глянете на ситуацию, так сказать, свежим глазом?

При упоминании о свежем глазе седоголовый красавец едва заметно поморщился. Он служил под началом генерала Тульчина уже почти год, но до сих пор не до конца избавился от статуса новичка, особенно неприятного для человека с его опытом работы в спецслужбах. Он встал, машинально оправив пиджак, и провел ладонью по белым, как снег, густым волосам.

– У меня есть кое-какие предположения, – негромко произнес он, – но я не хотел бы озвучивать их прямо сейчас.

– Это почему же? – изумленно заломив бровь, с прохладцей, которая сквозила в его тоне всякий раз, когда подчиненные начинали выкидывать коленца, осведомился генерал.

– Во-первых, это преждевременно, – сказал Федосеев. – Полагаю, ближайшие события либо укрепят меня в моем мнении, либо докажут его ошибочность. Но, даже будучи полностью уверенным в своей правоте, я предпочту доложить вам свои соображения лично, с глазу на глаз.

– Вы что же, не доверяете коллегам? – еще прохладнее поинтересовался Тульчин.

– Могу лишь повторить то, что уже сказал, – ровным голосом ответил подполковник Федосеев. – А если кто-то из присутствующих чувствует себя задетым, могу добавить, что веду себя подобным образом не из ложного самолюбия или боязни насмешек, а исключительно в интересах общего дела. Не сомневаюсь, что каждый из присутствующих в своей практике хотя бы один раз оказывался в ситуации, когда молчание – золото, независимо от аудитории слушателей.

– Это верно, – поддержал новичка рассудительный Уваров. Он бросил сердитый взгляд на майора Барабанова, который пренебрежительно кривил холеное лицо, и добавил: – Хотя, когда такое случается, ситуация, как правило, поганая – поганей некуда. Надеюсь, Игорь Степанович, что ты ошибаешься. Очень надеюсь!

– Я тоже, – коротко кивнул Федосеев и повернулся к генералу. – У меня все.

Тульчин кивком усадил его на место, помолчал, переваривая услышанное, и спросил:

– Еще кто-нибудь хочет высказаться? Нет? Тогда все свободны. Хватит переливать из пустого в порожнее, марш по местам и за работу! А ты, Игорь Степанович, останься, – остановил он поднявшегося со стула вместе с коллегами Федосеева. – Преждевременно или нет, а все-таки хотелось бы знать, что у тебя на уме.

* * *

Не без труда преодолев почти непроходимый лабиринт извилистых, малоезжих лесных дорог, которые так и подмывало назвать тропами, джип выбрался на шоссе – вернее сказать, то, что от него осталось после четвертьвекового запустения. Машина была не первой молодости; густо запыленный угловатый кузов покрывал затейливый узор засохшей грязи, летевшей из-под колес, когда внедорожник штурмовал оставленные прокатившимся через здешние безлюдные места грозовым фронтом глубокие, топкие лужи. Передний бампер, фары, решетку радиатора и плоское ветровое стекло густо облепили расплющенные в блин комары: основную часть пути машина проделала после наступления темноты, когда кровососы вышли на ночную охоту. В этом году их было так много, что даже на умеренной скорости они бились о стекло буквально градом, со звуком, напоминающим стук дождя.

Асфальт на заброшенном, десятками лет не знавшем ремонта шоссе растрескался и покрылся глубокими выбоинами. Но все-таки это был асфальт, а не раскисшая после недели проливных дождей глина, и дело сразу пошло веселее. Водитель переключил передачу и уто-

пил педаль газа, стрелка спидометра оторвалась, наконец, от опостылевшего сектора между двадцатью и сорока километрами в час и плавно поползла вверх. Отдельные удары могучих, обутих в облысевшую резину колес о неровности дороги слились в сплошную барабанную дробь; тряску, которая при иных обстоятельствах была бы немилосердной, мягко гасила пребывающая в идеальном состоянии после очередного ремонта подвеска. Чинить ее приходилось с завидной регулярностью; каждый ремонт обходился в кругленькую сумму, но дело того стоило.

То справа, то слева от дороги мелькали неприглядные, навевающие тоску следы человеческого присутствия – заросшие крапивой, бурьяном и какими-то кустами бугорки с едва проглядывающими сквозь заросли остатками кирпичных фундаментов, гнилые, полуразвалившиеся срубы без окон и дверей, с провалившимися крышами, ржавые водонапорные башни, заполоненные ползучей растительностью пустые кирпичные коробки, из которых предприимчивые и вездесущие мародеры давно выдрали все, что можно было выдрать, вплоть до дверных и оконных рам... Лес подступал вплотную к дороге, равнодушно перешагивая через руины, когда-то бывшие человеческим жильем, земля понемногу, день за днем, вбирала в себя разрушающиеся постройки. Тем более странно и неуместно выглядели изредка встречающиеся в выселенных деревнях жилые дома – сохнувшее на веревках белье, сверкающие свежей краской заборы и оконные наличники, припаркованные у наглухо запертых ворот автомобили и даже стоящая в каком-то дворе детская коляска. Даже здесь, в радиационном заповеднике, жизнь продолжалась, несмотря ни на что.

– Вот народ, – заметив новенькую коляску с белоснежным кружевным покрывальцем, сказал водитель джипа, – ничего их не берет! Даже родить не побоялись. Интересно, сколько у ребеночка голов?

– Думаю, одна, – рассудительно ответил сидевший справа от него бритоголовый здоровяк, одетый, вопреки здешней моде, в джинсы из синтетической ткани и легкую спортивную курточку демократичного мышасто-серого цвета. – Здесь тебе все-таки не Хиросима. Не курорт, конечно, но если на крыше саркофага пикники не устраивать и к могильникам со стержнями не соваться, жить можно.

– Да какая это жизнь! – возразил водитель.

– Это с какой стороны посмотреть, – сказал пассажир. – Боулингов и ночных клубов тут, ясно, нет, зато свобода – что хочу, то и ворочу. Ни мусоров, ни налоговой, ни чинуш с портфелями – сам себе голова. А свобода, Мосол – это испокон веков самый дефицитный товар. За него платить надо, и недешево. Таких, которые готовы за свободу справедливую цену дать, во все времена немного на свет рождалось. Вон их тут сколько – раз, два и обчелся. А быдлу свобода не нужна, оно, быдло, всегда норовит в стадо сбиться – так и спокойнее, и безопаснее, и думать ни о чем не надо: отпахал смену и сиди себе на диване, пясь в ящик с дебилами и пельмени трескай!

– Ну-ну, – заметно помрачнев, неприязненно пробормотал водитель по кличке Мосол. Он родился в провинциальном городке, воспитывался компанией себе подобных за гаражами и, как никто, подпадал под емкое определение «быдло» – был сер, необразован, привык всегда и во всем полагаться на кулаки и луженую глотку, а главное, повзрослев, действительно полюбил проводить вечера с глазу на глаз с телевизором. Да и питаться предпочитал именно дрянными магазинными пельменями – не потому, что это было проще или, упаси бог, дешевле, чем уплетать в фешенебельных кабаках омаров или гусиную печенку, а потому, что пельмени ему в самом деле нравились. – Ты-то чего в городе трешься, если такой умный да свободный?

– Насчет ума не знаю, это со стороны виднее, – усмехнувшись, сказал пассажир. – А что свободный – это ты, братан, загнул. Ясен пень, мы с тобой в сто раз свободнее, чем какой-нибудь лох, который за голый оклад от звонка до звонка на дядю ишачит. Да только какая ж это

свобода? Гуляем между пулей и сроком, вот и вся наша свобода. А бабки, которые мы своим горбом зарабатываем, Бурый с Хвостом делят.

– Про рентгены забыл, – подсказал Мосол, которого немного успокоило и заставило отказаться от дальнейшей эскалации конфликта прозвучавшее только что «мы». Сдержанная критика в адрес руководства тоже пришлось ему по сердцу, поскольку была, есть и еще долго будет оставаться излюбленным способом самоутверждения людей, неспособных подняться выше роли тупого бессловесного исполнителя.

– И рентгены тоже, – согласился пассажир. – Но это – так, перчик, легкая приправа к основному блюду...

Без проблем отмахав по разбитому асфальтированному шоссе два десятка верст, джип, в салоне которого вновь воцарились мир и взаимопонимание, опять свернул на лесную грунтовку. Съезд на нее напоминал низкий вход в пещеру, настолько густо разрослись, сомкнувшись кронами, придорожные кусты. Мосол ездил этой дорогой не первый, не второй и даже не пятый год и хорошо помнил, что раньше у поворота стоял дорожный указатель с названием деревни – Выселки. Со временем дожди и морозы превратили «Выселки» в «Вы елки», потом в «Вы ки», а в позапрошлом году указатель исчез вместе со столбами, к которым был прикреплен. С тех пор, когда Мосол проезжал тут, его всякий раз подмывало остановиться и посмотреть, валяется он в кустах или его давно сдали в лом охотники за цветным металлом, но он так ни разу и не остановился.

Под шлепанье листьев по ветровому стеклу и шорох царапающих пыльные борта веток прорвавшись через низкую зеленую арку, джип с разгона форсировал страховидную, от обочины до обочины, лужу и выскочил на относительно сухое и ровное место. Колеса забарабанили по выступающим из укатанной, заросшей жесткой лесной травой земли узловатым корневищам. Дорога вскарабкалась на пологий, поросший чистым сосновым бором пригорок и пошла под уклон. Вертя баранку, Мосол опять вспомнил о пропавшем указателе и подумал, что в следующий раз обязательно сделает у поворота остановку. Не потому сделает, что его так уж сильно волнует судьба этой старой жестянки, а потому, что при его профессии ничего нельзя откладывать на потом. Посмотреть, что случилось с указателем и сколько на нем сохранилось букв, назначить свидание приглянувшейся девчонке, купить новый телевизор, вставить выбитый в давней драке зуб – все это и еще многое другое так и тянет отложить на завтра, а никакого завтра, между прочим, может и не быть. Однажды кто-то не успеет вовремя заслать кому-то денег, кто-то обидится и даст отмашку, и в один далеко не прекрасный день тебя остановят с грузом на дороге и уложат носом в пыльную песчано-гравийную смесь обочины. И, сидя на лагерных нарах, ты еще много лет будешь гадать, куда все-таки подевался этот дурацкий указатель, и жалеть, что, имея возможность это выяснить, так и не собрался ею воспользоваться...

Заросшие травой колеи сделали очередной поворот, нырнули в сырую ложбину и вдруг исчезли под сплошной стеной кустарника, отороченной понизу мясистыми стеблями и разлапистыми листьями каких-то высоких болотных растений с собранными в большие плоские соцветия крохотными белыми цветками. К стеклам, словно просясь, чтобы их впустили погреться – ну, точь-в-точь вампиры из голливудских ужастиков, – начали лгнуть крупные, ядреные, гренадерских размеров комары. Передвинув рычаг раздаточной коробки, Мосол задействовал передний мост и, взяв разгон, с ходу вломился в кусты. Под злобное завывание двигателя, треск ломающихся ветвей, шорох листьев и плеск бьющих из-под колес фонтанов черной грязи машина проскочила опасное место, пробуксовала на скользком склоне и вскарабкалась на очередной бугорок.

Среди рыжих, как бронзовые колонны, сосен запестрели белые стволы берез. Справа, в зарослях буйно разросшейся, замшелой, умирающей от старости сирени промелькнула груда трухлявых бревен с торчащей над ней полуразвалившейся печной трубой. Левее из-за частогокола молодых сосенок выглянул еще один сруб – почти целый, но почему-то без крыши, выста-

вивший напоказ небу решетчатый скелет гнилых, готовых рухнуть под собственной тяжестью стропил. Комаров снаружи стало заметно меньше; Мосол тронул клавишу стеклоподъемника, и в приоткрывшееся окно потянуло ветерком с отчетливым запахом речной тины – слева, под косогором, скрытая зеленью лесных кустарников и одичавших садов, текла река.

Машина остановилась перед одноэтажным зданием магазина – пустой, без окон и дверей, коробкой из сырого силикатного кирпича под плоской кровлей из бетонных плит. На кровле шелестели листвой молодые березки, из пустого квадратного проема, некогда бывшего витриной, тянуло затхлой могильной сыростью и звериным пометом. На усеянной рыжей сосновой хвоей земле перед растрескавшимся бетонным крыльцом виднелись следы острых раздвоенных копыт, свидетельствовавшие о недавнем визите диких кабанов. Кабанов тут было великое множество, и, прежде чем выбраться из машины, Мосол прихватил с заднего сиденья помповое ружье. Патроны в ружье были заряжены пулями; это требовало более тщательного прицеливания, зато, в отличие от картечи, давало хоть какой-то шанс уцелеть при встрече с пребывающим в дурном расположении духа секачом или оберегающей молодняк маткой.

Напарник Мосла, бритоголовый здоровяк по кличке Сапог, служившей напоминанием о годах, за здорово живешь подаренных армии, тоже вышел из машины и настороженно осмотрелся, держа наготове короткоствольный автомат. Все было спокойно. Лесные пичуги, притихшие было при появлении людей, постепенно возобновили дневной концерт, в траве беззвучно копошились какие-то козявки, прыгали маленькие зеленые кузнечики. Песок у самого крыльца магазина был изрыт крошечными норками, вокруг которых деловито сновали крупные рыжие муравьи. Человеческих следов на нем не было, но, приглядевшись, Сапог рассмотрел сглаженные дугообразные бороздки, как будто кто-то не так давно прошелся здесь с метлой. Уже успевшая пожухнуть сосновая ветка, почти наверняка сыгравшая роль этой метлы, валялась в траве у позеленевшего от сырости, потрескавшегося фундамента.

Все было, как обычно – именно так, как и должно было быть. Мосол со скользящим металлическим лязгом передернул затвор ружья, дослав в ствол патрон, и, держа палец на спусковом крючке, первым поднялся на крыльцо. Дверь в магазине отсутствовала, но стальная дверная коробка уцелела, хоть и носила на себе заметные с первого взгляда следы, оставленные ломом при потерпевшей неудачу попытке выдрать ее с мясом. Мосол громко, отчетливо постучал по ней стволом дробовика и отступил на шаг, держа ружье наготове и прислушиваясь.

Из сырого, пахнущего склепом сумрака за дверным проемом не доносилось ни звука. Это означало, что зверья внутри нет и путь свободен. Без необходимости кивнув напарнику, Мосол опустил ружье и переступил порог. Сапог, клацнув защелкой предохранителя, забросил автомат дулом вниз за плечо и последовал за ним.

После стоявшей снаружи душной, сырой, как в бане, из-за поднимающихся от пропитанной дождевой водой земли испарений жары внутри было прохладно, чуть ли не знобко. На изрытом глубокими выщерблинами кафельном полу там и сям поблескивали мелкие лужицы: небо сквозь стыки плит перекрытия еще не просвечивало, зато дождевая вода проникала беспрепятственно. Вдоль расположенной напротив входа стены протянулась груда трухлявых, присыпанных мелким лесным мусором и уже начавших прорастать травой обломков – все, что осталось от прилавка и полок. Здесь же тихо ржавели остовы холодильного оборудования. Высокий холодильник для напитков валялся на боку в углу, среди мусора тускло поблескивали осколки стеклянной дверцы; второй, пониже, открывающийся сверху, косо торчал посреди помещения, как будто кто-то, задумав вынести его из магазина, на полпути отказался от своей затеи и бросил добычу.

За этой баррикадой виднелась дверь, ведущая в служебные помещения магазина. По неизвестной причине на нее никто не польстился, мародеры ободрали лишь оцинкованную жель, которой она когда-то была обита. Разбухшее, лохматое от клочьев вспучившейся древесноволокнистой плиты дверное полотно с зияющей неровной дырой на месте выворочен-

ного с мясом замка было наполовину прикрыто. Перешагнув через мусорный бруствер, Мосол постучал по двери кулаком. Звук получился глухой, но достаточно громкий; на последнем ударе вспучившаяся трухлявая обшивка проломилась, вдавившись внутрь.

– Заставь дурака богу молиться, – прокомментировал это событие Сапог.

– Обожаю это занятие, – проворчал Мосол, с натугой открывая разбухшую дверь. Ржавые петли издали протяжный скрип, нижний край отвисшего дверного полотна со скрежетом прочертил в пыли смазанную дугу, похожую на ту, что оставляет на грязном ветровом стекле «дворник» с изношенной резинкой. – Типа, я в гости пришел или к большому начальнику на прием: тук-тук, разрешите войти? Было бы, сука, перед кем прогибаться...

– А ты не прогибайся, – посоветовал Сапог, вытряхивая из пачки сигарету. – В следующий раз открывай дверь ногой. А если там кабан, так ему и скажи: да пошел ты на хрен, свинья неумытая! Кто ты такой, чтоб я тебе кланялся? Только, боюсь, высказаться до конца он тебе не даст.

– В следующий раз, – боком протискиваясь в дверь, которую так и не сумел открыть до конца, передразнил его Мосол, – вперед пойдешь ты. А если там окажется кабан, просто заговоришь ему зубы. Он тебя послушает минуту-другую, а потом пойдет в лес и повесится на первом подходящем суку.

Проигнорировав этот выпад, Сапог чиркнул зажигалкой и закурил. Мелкий мусор хрустел под подошвами его кроссовок, когда он шел через разоренный торговый зал к двери подсобного помещения. Мосол уже чем-то шуршал в дальнем углу, пробираясь сквозь мусорные завалы к причудливо разрисованному разводами плесени, прожженному в нескольких местах остову мягкого углового дивана – не то завезенного в качестве товара, но так и не проданного, не то являвшегося частью здешнего казенного инвентаря. Сквозь голый оконный проем, снаружи сомнительно украшенный ржавыми остатками отогнутой при помощи лома решетки, в помещение намело сухих листьев и березовых сережек. Задетая Сапогом пыльная бутылка из-под вина, брэнча, откатилась в сторону. Наблюдаемая картина давно стала для напарников привычной и не вызывала никаких мрачно-романтических ассоциаций – зона, сталкерство и прочая муть в этом же роде; для них это была всего-навсего зараженная радиацией помойка, по воле обстоятельств ставшая их основным рабочим местом.

Мосол прислонил дробовик к стене и выразительно посмотрел на напарника. Сапог в три длинных затяжки добил сигарету, затоптал окурки и, сняв с плеча автомат, тоже отставил его в сторону, чтобы не мешал. Вдвоем они сдвинули тяжелый от пропитавшей его влаги диван; Мосол вынул из-за пояса автомобильную монтировку, носком ботинка отгреб в сторонку пыль и мусор и вогнал заостренный конец монтировки в почти незаметную щель. Поднатужившись, он приподнял краешек тяжелой крышки; Сапог просунул в щель пальцы обеих рук, ухватился половчее, крикнул и поднял крышку на уровень груди. Отбросив монтировку, которая со звоном запрыгала по полу, Мосол подхватил крышку с другой стороны, и вдвоем они аккуратно, чтобы ничего себе не отдавить, отложили ее в сторону.

Теперь в полу зиял прямоугольный проем размером примерно метр на полтора и глубиной чуть меньше метра. Напарники стояли на краю, с тупым недоумением разглядывая похожее на мелкую могилу углубление, в котором не было ничего, кроме некоторого количества пыли и вездесущих березовых листьев.

Не было, а должно было быть, потому что сообщение об отправке груза пришло около недели назад.

– Что-то я ни хрена не понял, – сообщил Мосол таким тоном, словно ожидал, что напарник немедленно, сию секунду, развеет его недоумение. – Это что еще за приколы?

– За такие приколы мочить надо, – мрачно откликнулся Сапог. – Что мы теперь Бурому-то скажем? Что за здорово живешь без малого полтыщи верст на кардан намотали?

– А ты не парься, – заставив напарников вздрогнуть и синхронно обернуться, неожиданно прозвучал за их спинами спокойный мужской голос.

В дверях, через которые они вошли минуту назад, стоял незнакомый мужчина лет сорока или около того – выше среднего роста, подтянутый, без единой капли жира, одетый в армейский камуфляж без знаков различия и армейское же кепи без кокарды, из-под козырька которого поблескивали линзы фотохромных солнцезащитных очков. На ногах у незнакомца были высокие берцы явно заграничной выделки на толстой рубчатой подошве. Несмотря на эту грубую обувь и недетские габариты, данный персонаж возник за спинами напарников абсолютно беззвучно, словно не вошел, как все нормальные люди, через дверь, а вот именно возник – просто материализовался, сгустившись из затхлого, пропахшего плесенью и кабаньими экскрементами воздуха.

– Насчет Бурого не парься, – повторил он, неторопливо поднимая на уровень пояса пистолет, – с мертвых спроса никакого.

– Ты чего, мужик? – растерянно пролепетал Мосол, как замороженный, глядя на обведенное кружком сизого металла черное отверстие пистолетного дула.

Взгляд его метнулся к стене, у которой мирно стояли его дробовик и автомат Сапога. До оружия было метра два, от силы два с половиной, но с таким же успехом оно могло находиться на дне Марианской впадины или на обратной стороне Луны. Здесь, в сердце радиационного заповедника, они давно перестали бояться кого-либо, кроме крупного зверья, и глубоко укоренившаяся привычка чувствовать себя хозяевами здешних мест, наконец, вышла им боком.

– Да так, ничего, – сказал незнакомец и нажал на спусковой крючок.

Глушителем он на этот раз не воспользовался, и в тесном замкнутом пространстве магазинной подсобки пистолетный выстрел показался оглушительно громким. Снаружи он, конечно, звучал иначе, но слышен был превосходно, и затаившийся в доме без крыши майор Бурсаков, в здешних краях более известный под неблагозвучной кличкой Струп, насторожившись, взял наизготовку свой неразлучный фотоаппарат с мощным телескопическим объективом. Он видел, как незнакомец в солнцезащитных очках вслед за курьерами Бурого проник в здание, догадывался, зачем он туда проник, и был полон решимости наконец-то запечатлеть физиономию этого таинственного киллера для истории – целиком, крупным планом и без делающего его неузнаваемым спецназовского грима.

Незнакомец стрелял от живота, практически не целясь, но пуля ударила Мосла в самое сердце, опрокинув в прямоугольную яму – тайник, словно нарочно, формой и размерами напоминающий могильный склеп. Сапог, в котором, наконец, включились приобретенные на военной службе рефлексы, метнулся к стене, где стояло оружие; киллер стремительно и плавно поднял пистолет на уровень глаз и без малейшего промедления вторично спустил курок. Свинцовая птичка со стальным клювом настигла Сапога на бегу и клюнула в затылок. Мгновенно ставшее мертвым тело, как потерявший управление автомобиль, по инерции преодолело остаток дистанции, врезалось в стену и рухнуло с глухим шумом, опрокинув на себя оба ствола, до которых так и не успело добежать при жизни. Выброшенная затвором «Стечкина» гильза еще мелко дребезжала, катясь по замусоренному полу, а с курьерами, прибывшими, чтобы забрать из тайника доставленное из России оружие, уже было покончено.

Сунув дымящийся пистолет под мышку, как градусник, стрелок перевел взгляд на гильзу, которая все еще слабо покачивалась с бока на бок, наклонился, поднял ее, покатав между пальцами, разглядывая, а затем, коротко усмехнувшись, небрежно бросил обратно на пол. Оставив все как есть, он повернулся к убитым спиной и вышел из подсобки.

На крыльце магазина он остановился, будто позируя. Он стоял лицом к дому без крыши, и Струп, торопливо поднимая камеру, дал на дисплей максимальное увеличение. Мощный объектив раздвинулся с чуть слышным жужжанием, и в это мгновение киллер в потемневших от солнечного света «хамелеонах» вдруг слегка повернул голову и посмотрел, казалось, прямо в

глаза майору Бурсакову. На какое-то мгновение майор оцепенел, преисполнившись уверенности, что обнаружен и сию секунду будет убит. Ощущение близости и неотвратимости конца было настолько отчетливым и сильным, что его по-настоящему парализовало. А когда этот кратковременный паралич прошел, стрелок уже отвернул так и не запечатленное камерой лицо, наклонил голову и, боком спрыгнув с крыльца, забрался в салон стоящего перед магазином с открытыми дверцами джипа.

Дверцы захлопнулись одна за другой, и после каждого хлопка майор Бурсаков непроизвольно вздрагивал, каким-то краешком сознания пытаясь понять и не понимая, с чего это он, выдавший виды оперативник, боевой офицер, так перетрусил. Двигатель внедорожника завелся, выбросив из выхлопной трубы клуб черного дыма, машина развернулась на травянистом пятачке перед зданием магазина и, газанув, в два счета скрылась из вида за заполонившими деревенскую улицу кустами и молодыми деревьями.

– Твою ж мать, – глядя ей вслед, пробормотал майор Бурсаков.

Когда он зачехлял фотоаппарат, руки у него заметно дрожали. Это было скверно, и утешало майора только то, что этого никто не видит.

Глава 4

Запыленная «девятка» цвета «мокрый асфальт» – когда-то престижный автомобиль модного цвета, а нынче просто ржавое корыто, способное привлечь чье-либо внимание разве что своим почтенным возрастом да скверным, явно предынфарктным, техническим состоянием, – брэнча отставшими железками, тряслась на ухабах и колдобинах разбитого, постепенно становящегося непроезжим шоссе. Несмотря на жаркую погоду, окна с тонированными стеклами были подняты: здешние места не располагали к езде с ветерком, поскольку вместе с прохладой в салон могло проникнуть кое-что еще, не столь безобидное.

Вдоль шоссе тянулись, неторопливо убегая назад, знакомые пейзажи, в которых было столько же очарования, сколько его можно разглядеть в валяющемся на обочине неприбранном, частично разложившемся труп. Поросшие бурьяном пустыри сменялись чахлыми перелесками, мертвые выселенные деревни были целиком отданы во власть ветра, дождей и ползучих кустарников. Растительность тут выглядела какой-то больной, словно отравленной; впрочем, вполне возможно, это неприятное впечатление было навеяно воображением: зная, что увидеть радиацию невозможно, мозг повсюду искал и, как водится, находил зримые признаки ее присутствия. Так совершенно здоровый, но впечатлительный человек, углубившись в чтение медицинской энциклопедии, находит у себя симптомы всех перечисленных там заболеваний; так, уверив себя в существовании привидений и нечистой силы, мы со временем начинаем наяву видеть притаившуюся по углам нечисть.

В машине сидели трое молодых, крепких мужчин, одетых небогато и просто, без неуместного в здешних безлюдных краях лоска, но чисто, по-городскому – без камуфляжа, тяжелых сапог и прочих атрибутов местной брутальной моды. В закупоренном наглухо, чуть ли не загерметизированном салоне стоял густой запах обильно сдобренного чесноком и специями сала, проникавший сюда из багажника. Плохая – вернее сказать, никакая – изоляция салона любого хэтчбека от багажника в данном случае отсутствовала совершенно, и пахучее содержимое последнего, представлявшее собой целую гору каких-то сумок, пакетов и даже холщовых мешков, возвышалось над спинкой заднего сиденья, почти полностью закрывая обзор. Впрочем, следить за зеркалом заднего вида тут не было никакой необходимости ввиду полного отсутствия дорожного движения – как в попутном направлении, так и во встречном.

Впереди показался крутой поворот. Густые заросли, подступая вплотную к дороге, делали видимость нулевой, и водитель, который был настоящим лихачом где угодно, но только не на работе, убрал ногу с педали газа, хотя притормаживать, как сделал бы на его месте какой-нибудь чайник, все же не стал. Пассажир на переднем сидении уже открыл рот, чтобы отпустить по этому поводу какую-нибудь остроту, но тут «девятка» миновала поворот, и его рот захлопнулся с отчетливым стуком – не по желанию хозяина, а сам собой, под воздействием силовых векторов, возникших в результате экстренного торможения.

Лысые покрышки вцепились в бугристый, растрескавшийся асфальт, оставляя на нем черные полосы, машина в клубах пыли пошла юзом и, наконец, остановилась в метре от перегоревшего дорогу джипа.

Джип стоял поперек проезжей части, полностью перекрыв своей облепленной грязью угловатой тушей правую половину дороги вместе с обочиной. Дверь багажника была открыта нараспашку, воруя еще полметра свободного пространства. На асфальте, затрудняя задачу тому, кто вздумал бы объехать препятствие слева, валялся разбросанный в полнейшем беспорядке хлам, который обычно сопутствует аварийной остановке: лежащее на боку запасное колесо, домкрат, крестообразный баллонный ключ и обрезок водопроводной трубы, используемый в качестве рычага при откручивании зажатых намертво, приржавевших гаек.

Еще левее все еще можно было кое-как проехать – вернее, можно было бы, если бы не человек, который, сидя на корточках спиной к подъехавшей машине, как ни в чем не бывало, что-то делал со своим ботинком – похоже, просто завязывал шнурок.

– Вот урод, – сказал пассажир с переднего сиденья. – Хоть бы знак аварийной остановки перед поворотом выставил!

– И ж... повернулся, как будто так и надо, – поддакнули сзади. – Грохнуть его, что ли?

– Угу, – саркастически промычал водитель, – грохнуть... Это ж Мосла корыто, ты что, не видишь? Тебе нужны проблемы с Бурым? Мне, лично, не нужны. И Хвосту не нужны...

Он трижды коротко посигналил, привлекая внимание сидящего на корточках человека. При этом он понимал, что совершает нелепое, смешное и бессмысленное действие: тот, кто ухитрился пропустить мимо ушей какофонию, которой сопровождалось экстренное торможение, не услышит и сигнал.

– Глухой, что ли? – вторя его мыслям, удивленно произнес один из пассажиров – тот, что сидел спереди.

Задний открыл дверцу.

– Прикройте, если что, – сказал он и выбрался из машины.

Водитель и его сосед, вынув пистолеты, почти синхронно оттянули затворы и завертели ручки стеклоподъемников, открывая окна на случай, если придется стрелять. Перегородивший дорогу джип принадлежал Мослу; Мосол работал на Бурого, который был надежным, проверенным деловым партнером Хвоста, на которого, в свою очередь, работали те, кто ехал в «девятке». Опасаться, по большому счету, было нечего, но... В бизнесе друзей не бывает, это аксиома, и Бурый вполне мог решить, что запросто обойдется без партнеров. К тому же машина Мосла и сам Мосол – это не одно и то же.

Человек в камуфляже по-прежнему сидел на корточках, почти касаясь правым коленом растрескавшегося асфальта, и продолжал, сгорбившись, возиться со шнурком на левом ботинке. Парламентер, по имени Саня, а по кличке Фома, приблизился к нему и осторожно похлопал ладонью по плечу.

Виновник непредвиденной задержки не вздрогнул, как можно было ожидать от глухого, застигнутого врасплох, не попытался схватить Фому за руку и бросить через плечо и вообще не стал делать каких-либо резких движений. Он спокойно обернулся и посмотрел на стоящего позади человека сквозь дымчато-коричневые стекла очков.

– День добрый, – довольно приветливо произнес он.

– Здорово, – проворчал Фома.

Он был слегка удивлен поведением незнакомца – как, собственно, и тем, что перед ним незнакомец, а не Мосол или кто-то другой из его коллег, кому тот мог доверить свой горячо любимый джип. Всех, с кем приходилось сотрудничать тут, в заповеднике, и за его пределами, он знал в лицо и по именам. Этого человека он видел впервые. Перед ним мог быть новенький – текучка существует везде, даже в самом прибыльном бизнесе. Вероятнее всего, именно так и было, но ухо все же следовало держать остро: когда едешь по безлюдным местам в машине, нагруженной ломовой синтетической наркотой, общий вес которой приближается к весу копченого сала, которым она замаскирована, расслабляться нельзя ни на секунду.

– А Мосол где? – спросил Фома.

– Помер, – лаконично ответил незнакомец, рывком затянул шнурок и встал, выпрямившись во весь рост. – Куда путь держите, ребята?

– А ты кто такой? – непристеливо поинтересовался Фома. Он уже начал жалеть, что вылез из машины. Этого любопытного гражданина на чужом джипе надо было просто столкнуть с дороги бампером, а не разводить дипломатию с козлом, чье поведение подозрительно похоже на поведение обыкновенного наводчика. Впрочем, если бы в придорожных кустах сидели молодцы с автоматами, они давно бы себя проявили.

Гражданин в солнцезащитных очках без необходимости отряхнул колени, а затем нарочито медленно и плавно потянулся правой рукой к нагрудному карману камуфляжной куртки. Отстегнув клапан, он просунул внутрь два пальца и, выудив оттуда, предъявил Фоме коленкоровую книжицу с тисненой золотом надписью: «ФСБ». Словно прочтя мысли собеседника, который первым делом подумал, что такую ксиву можно купить в любом подземном переходе, незнакомец развернул удостоверение и держал перед носом Фомы достаточно долго, чтобы его можно было обстоятельно, без спешки изучить.

Убедившись, что удостоверение настоящее, и что фотография в нем соответствует стоящему посреди дороги оригиналу, Фома скроил кислую мину. Бояться было нечего: на захват все это походило даже меньше, чем на разбойничью засаду. Но и приятного в этой встрече не было ничего. Вероятнее всего, владелец предъявленного удостоверения был очередным взяточником – новичком, переведенным в здешнее управление из какого-то другого места, введенным коллегами в курс дела и явившимся, чтобы заявить о своем праве получать процент с чужого бизнеса.

– Ясно, – вздохнул Фома и, заведя руку за спину, украдкой махнул ладонью своим компаньонам, чтобы спрятали стволы и притворились парочкой мирных, законопослушных лохов. – Домой мы направляемся. В гостях были – там, на той стороне. Сальца взяли, горилочки – ну, все, как полагается. А через зону двинули, потому что так километров на двести короче.

– Понятно, – улыбнулся лихоимец в темных очках. – Гостили у Бурого, а дома Хвост гостинцев заждался... Так?

– Какой еще бурый хвост? – включил пингвина Фома. – Проехать дай, мужик! Ты ж не при исполнении, да и юрисдикция тут не твоя. Это, на минуточку, не российская территория.

– Все верно, – кивнул очкастый, – на российской территории я бы с тобой иначе разговаривал. А тут места дикие, заграничные, потому и разговор у нас с тобой такой – мирный, как у двух обычных людей, которые случайно встретились на дороге. Один человек говорит: «А покажи-ка, земляк, что у тебя в багажнике!» А другой что?..

Фома посмотрел на джип. Все четыре колеса машины пребывали в полном порядке. Пятое, запасное, лежавшее на дороге, тоже выглядело неповрежденным. Прокол, в результате которого машину заносит и разворачивает поперек проезжей части, как правило, виден невооруженным глазом. Впрочем, и так было понятно, что налицо примитивная инсценировка, устроенная с единственной целью – остановить «девятку», экипаж которой в силу известных причин старался делать остановки как можно реже.

В принципе, такое с ними уже бывало; более того, бывало с ними еще и не такое. Странно было только, что московский эфэсбэшник не поленился притащиться в такую даль ради копеечной взятки, а притащившись, разъезжает на машине Мосла, который, по его словам, помер. Ну, помер и помер – все там будем, в конце-то концов. Но вот машина... Что, у покойника других наследников не нашлось?

– А другой, – отвечая на поставленный вопрос, сказал Фома, – ему так базарит: иди, базарит, земляк, драной козе под хвост загляни. Мой багажник – мое личное дело, и нечего тебе им интересоваться. Официальных полномочий у тебя никаких, ксива твоя тут ни хрена не стоит, а если ты такой грамотный, что даже Хвоста и Бурого знаешь, то должен, кажется, понимать, что они люди серьезные и таких фокусов не любят. Есть договоренности, есть порядок, и порядок этот лучше не нарушать.

– А я, стало быть, нарушаю? – с кривоватой улыбкой уточнил человек в темных очках, застегивая клапан кармана, в который убрал свое удостоверение.

– Типа того, – сказал Фома. – То есть, если бы мы с парнями действительно работали на Хвоста или, там, на Бурого, вот этот твой гоп-стоп наверняка засчитали бы как серьезный косяк. Но мы-то сами по себе! Так, слышали звон – есть, дескать, такие авторитетные дяди, один на Украине, другой в Москве, крутят тут какие-то серьезные дела...

– Ошибочка, значит, вышла, – с полувопросительной интонацией произнес эфэсбэшник.
– Типа того, – повторил Фома. – Нам бы проехать, – напомнил он. – Может, приберешь свою бутафорию?

– Конечно-конечно, – торопливо закивал головой москвич и, демонстрируя полную готовность как можно скорее освободить проезд, поднял с земли домкрат и баллонный ключ. – Без обид, договорились?

– Угу, – без излишней ласковости буркнул Фома.

Откровенно говоря, сейчас он понимал еще меньше, чем в самом начале. Разговор получился какой-то дурацкий, несерьезный: «Дай денег!» – «Не дам!» – «Ну, спасибо, извините...» И ведь это не потерявший берега пьяный гопник, а подполковник ФСБ, явно очень хорошо знающий, кто такие Бурый и Хвост и чем они занимаются. Он приехал на джипе Мосла, заранее точно зная, в какое время и по какой дороге будут двигаться курьеры, устроил тут настоящую засаду, и ради чего – чтобы обменяться парочкой бессмысленных фраз и сразу пойти на попятный?

Москвич с лязгом забросил домкрат и баллонник в багажник чужого джипа и наклонился за колесом. Фома не стал ни прощаться с ним, ни торопить: ситуация была странная, явно нештатная, и умнее всего сейчас было молча вернуться в машину и поскорее уехать.

Действуя в соответствии с этим не шибко оригинальным, но весьма разумным планом, Фома повернулся к москвичу спиной и направился к «девятке», в салоне которой его ждали недоумевающие коллеги. Сделав два шага, он не утерпел и все-таки обернулся. Это проявление слабости осталось незамеченным: эфэсбэшник как раз укладывал в багажник запаску, так что наружу торчала только его обтянутая камуфляжными штанами корма. Фома отвернулся, на ходу пожав плечами, и в это время москвич, прекратив возиться с запаской, выглянул из-за открытой дверцы багажного отсека и выстрелил ему в спину из пистолета.

Фома еще падал, когда москвич, сменив прицел, несколько раз подряд выстрелил по машине. Ветровое стекло «девятки» украсилось созвездием пулевых пробоин, от которых неровными лучиками разбегались мелкие трещины, и оставшиеся в машине курьеры умерли почти одновременно, даже не успев вынуть спрятанное по сигналу Фомы оружие.

Человек в темных очках взял из багажника джипа небольшую сумку и, повесив ее на плечо, подошел к «девятке». Когда он открыл дверцу, оттуда вывалился и головой вперед упал на дорогу труп водителя. Одна пуля попала ему в переносицу, другая пробила гортань. Ухватив за штанину, стрелок убрал мешающую ему ногу мертвеца и, потянув рычажок под сиденьем, отпер замок багажника. Он обошел машину сзади и открыл багажник. В ноздри ударил запах копченого сала и чеснока, такой сильный и аппетитный, что киллеру немедленно захотелось есть. Он открыл свою сумку и приступил к нехитрым приготовлениям: вдавил в приличных размеров брусок пластиковой взрывчатки детонатор, вставил бикфордов шнур и, раздвинув мешки и сумки, поместил взрывчатку на самое дно багажника, затолкав ее настолько далеко, насколько мог. Держа конец шнура в руке, он перешагнул через распростертое на дороге тело Фомы и забрался на водительское сиденье джипа. На приборной панели лежала открытая пачка «кэмел». Стрелок вытряхнул оттуда сигарету, сунул в зубы и чиркнул колесиком бензиновой зажигалки. Голубоватый дымок рассеялся в пахнущем лесными травами воздухе; киллер, в кармане которого лежало удостоверение подполковника ФСБ, поднес тлеющий кончик сигареты к бикфордову шнуру и, когда тот зашипел, плюясь злыми искрами и дымясь, бросил его на дорогу.

Двигатель джипа завелся со второй попытки. Стрелок включил передачу, захлопнул дверцу и аккуратно развернул машину в сторону российской границы. В боковое зеркало ему было видно, как сердитый огонек, искрясь и волоча за собой тающий султан синеватого дыма, бежит по разбитому асфальту к открытому багажнику «девятки». Машина тронулась и успела проехать около двадцати метров, когда позади коротко, оглушительно громыхнуло.

Дымящаяся дверца багажника, кувыркаясь и дымясь на лету, промелькнула в небе и с лязгом грохнулась на дорогу перед джипом. Внедорожник слегка подбросило, когда правое переднее колесо наехало на нее, с хрустом и скрежетом сминая горячий металл обшивки; в боковом зеркале виднелся дымный, чадный костер, от которого все еще отваливались какие-то пылающие куски. Лужицы и капли коптящего пламени были разбросаны по дороге, спортивная куртка распростертого на проезжей части Фомы тлела в районе правой лопатки.

Потом машина миновала очередной поворот дороги, картинка в боковом зеркале сменилась, и, чтобы бросить прощальный взгляд на маячащий в небе над верхушками кустов косой столб черного дыма, человеку в темных очках пришлось повернуть голову. Его губы тронула тень улыбки: работа, как обычно, была проделана без сучка и задоринки.

* * *

Старенькая «Таврия», выкрашенная в отвратительный бледно-зеленый цвет (выкрашенная, судя по некоторым верным признакам, от руки, обыкновенной малярной кистью, и притом не слишком аккуратно), дребезжа, как ведро с болтами – каковым, в сущности, и являлась, – мужественно барабанила колесами по многочисленным неровностям заброшенного, пришедшего в полнейший упадок шоссе. Струп вел ее по прямой, объезжая только самые глубокие ямы, в которых можно было запросто оставить колесо. От сильной тряски в тесном, провонявшем грязным тряпьем и бензином салоне бюджетного автомобильчика, который увидел свет еще до развала Советского Союза, мутно-желтым облаком стояла поднимающаяся с пола пыль. Струп открыл оба окна, но это почти не помогало, и он уже начал подумывать о том, чтобы для сквозняка открыть еще и багажник.

Небо над лесом в той стороне, куда он направлялся, снова пошло наливать предгрозовую синеву, темнея прямо на глазах. Начало лета выдалось аномально дождливым, и в заросших кустами и высокой травой придорожных канавах тускло поблескивала стоячая вода. О ветровое стекло то и дело с отчетливым стуком разбивались крупные, ядреные комары; мухи ударялись в него со щелчком, оставляя неприятные на вид желтоватые кляксы, а большие жуки в хитиновых панцирях били в стекло, как пули или вылетевшие из-под колеса камни, заставляя Струпа рефлекторно втягивать голову в плечи.

Слева послышалось низкое, басовитое гудение. Повернув голову, Струп увидел крупного желто-коричневого шершня, который неподвижно завис в воздухе напротив открытого окна в каком-нибудь десятке сантиметров от его лица. Струп покосился на спидометр. Стрелка показывалась в промежутке между сорока и пятьюдесятью километрами в час. Ничего себе – неподвижно! Он немного увеличил скорость. Шершень не отставал. Струп притормозил, но и это не помогло: кусачая тварь реагировала мгновенно и осталась на прежнем месте, как будто и впрямь была жестко прикреплена к машине посредством торчащего из окна невидимого проволочного штыря. Не имея ни малейшего желания проверять, насколько болезненным может оказаться укус, Струп торопливо завертел ручку стеклоподъемника. Окно закрылось, и шершень, словно что-то такое поняв, резко отвернул в сторону и желто-коричневой пулей по длинной дуге улетел в придорожные кусты.

Тогда Струп снова открыл окно и потянулся за сигаретами, которые лежали на соседнем сидении. Там же, справа, упиравшись обшарпанным деревянным прикладом в грязный резиновый коврик, стоял его верный помповый дробовик. Двумя пальцами выудив из пачки сигарету, Струп сунул ее в зубы, взял из проволочной загородки на передней панели зажигалку, и тут где-то далеко, прямо там, куда он держал путь, послышался плотный громовой раскат. При этом молнии Струп не видел. Молния могла блеснуть, пока он отвлекся на шершня, состязаясь с ним в скорости и маневренности, но тогда гром, так долго катившийся из далекого далека, прозвучал бы намного слабее.

Прямо по курсу над лесом вдруг поднялся, густея на глазах, косой, увенчанный клубящейся грибовидной шапкой столб жирного черного дыма с заметными даже издали прожилками рыжего пламени. Не раздумывая ни секунды, Струп съехал на обочину и затормозил. Облако поднятой колесами пыли настигло машину, накрыло густой, почти непрозрачной пеленой, заставив водителя несколько раз чихнуть, и уползло вперед, рассеиваясь и оседая. Все так же, не раздумывая и не медля, майор Бурсаков схватил ружье, толчком распахнул дверцу и, пригибаясь, как под обстрелом, обежал машину.

В кусты он нырнул, как дикий кот – беззвучно, не сломав ни единой ветки и почти не примяв высокую траву. За время своего пребывания в здешних краях, местами напоминавшего настоящую робинзонаду, он приобрел навыки опытного лесовика, разведчика и зверолова, и теперь, пожалуй, мог бы потягаться с любимым литературным героем своего полузабытого детства – Натаниэлем Бампо по прозвищу Соколиный Глаз.

В данный момент упомянутые навыки пригодились как нельзя кстати: в последнее время в заповеднике стало беспокойно, стреляли все гуще и откровеннее, а теперь вот, глядите-ка, и до взрывов дело дошло. Со стороны могло показаться, что тут, в радиоактивных лесах, назревает масштабная война двух криминальных группировок. Кое-кто именно так и думал. В украинском приграничье люди Бурого, злобно ворча, доставали из тайников и приводили в боевую готовность оружие. И точно такая же картина наблюдалась в некоторых населенных пунктах Брянской области, где местные жители, работающие на таинственного и могущественного Хвоста, уже прикидывали, как бы поквитаться за polegших в зоне отчуждения земляков. Майор Бурсаков был, наверное, единственным, кто догадывался, что на самом деле все это – чудовищное недоразумение, старательно и умело кем-то организованная провокация.

Выбрав местечко в зарослях, откуда, оставаясь незамеченным, мог видеть все, что происходит на дороге, Струп дослал в ствол дробовика заряженный разрывной пулей патрон и стал ждать развития событий. Стрелял он неплохо и был готов при необходимости продемонстрировать это свое умение, проделав в неприятеле дыру размером с кулак Николая Валугина. Если там, впереди, опять шалит тот, о ком ему только что подумалось, и если стрелять действительно придется, в Москве будут очень недовольны поведением майора Бурсакова: ему приказали детально разобраться в происходящем, а он взял и превратил главного подозреваемого в корм для червей и лесных муравьев! Но если они там, на Лубянке, такие умные, пусть приезжают сюда сами и делают все, что сочтут необходимым: задерживают, арестовывают, снимают показания и отпечатки пальцев... Только как бы им не отправиться вслед за теми, чьи трупы чуть ли не ежедневно начали пачками находить тут, в заповеднике! Майор Бурсаков такого желания не испытывает и, если придется, будет стрелять первым. И, уж конечно, не в воздух...

Предчувствие его не обмануло. Вскоре в той стороне, где над лесом, медленно редая, все еще стоял дымный столб, послышался приближающийся рокот дизельного мотора и гулкие шлепки тугих резиновых покрышек о многочисленные неровности изрытой выбоинами и трещинами дороги. Из-за поворота показался знакомый джип, принадлежавший покойному Мослу.

Струп закусил губу и положил указательный палец на спусковой крючок: ему стало понастоящему страшно. Он привык иметь дело с преступниками, среди которых хватало профессиональных убийц. Но их действия всегда подчинялись какой-никакой логике, имели цель и мотив, да и сами упомянутые персонажи были люди как люди – скверные, но вполне обыкновенные, склонные, кто-то в большей степени, кто-то в меньшей, к осторожности и простой человеческой боязливости. Но тот, кто уехал вчера от здания заброшенного деревенского магазина на чужом джипе, вел себя, как опьяневший от крови тигр-людоед. Страха он не ведал, а логики в его поведении было столько же, сколько в поведении персонажа какого-нибудь компьютерного шутера, который может добиться победы лишь одним способом: расстреляв и уничтожив всех, кто встретится на пути. Вот и задерживай такого, вот и снимай с него показания!

Застрелить, как бешеного пса – так, и только так его можно остановить. А поскольку команды остановить его не было, умнее всего просто не попадаться ему на глаза...

Поравнявшись с известной всему заповеднику «Таврией» Струпа, джип немного замедлил ход. Окно со стороны водителя было открыто, и затаившийся в кустах майор Бурсаков получил отличную возможность еще разок полюбоваться блеском темных солнцезащитных очков из-под низко надвинутого козырька армейского кепи. Ему показалось, что водитель джипа улыбается, глядя вверх стоящей на обочине малолитражки на его укрытие. Он похолодел, преисполнившись чертовски неприятной уверенности, что убийца сейчас остановит внедорожник и затеет с ним игру в прятки на выбывание, но в следующее мгновение обладатель темных очков снова прибавил газу, и джип, рыча немолодым мотором, укатил в направлении российской границы.

Выждав еще немного и убедившись, что внушающий ему иррациональный, прямо-таки мистический страх душегуб в темных очках не намерен возвращаться, Струп вернулся в машину и запустил не успевший остыть слабосильный двигатель. «Таврия» тронулась с места и бодро покатила вперед, тархтя и дребезжа на всю округу.

Вскоре майору пришлось остановить машину, чтобы не наехать на лежащее ничком посреди дороги тело в обгорелой спортивной курточке. Слева под лопаткой виднелось пулевое отверстие, куртка в этом месте набрякла кровью, а по растрескавшемуся сухому асфальту расплылась темная лужа, как будто кто-то разлил тут банку вишневого сиропа. В нескольких метрах от тела догорал искореженный взрывом остов легковой машины – судя по характерной форме кузова, жигулевской «девятки». Язычки умирающего от бескормицы пламени лениво перебежали по радужно-сизому от жара металлу, выскивая уцелевшие молекулы органики, которые можно обратить в пепел, железо и оплавленный асфальт курились едким серым дымом. Пахло бензином, горелой резиной и пластиком; разглядев внутри этого погребального костра два дымящихся, обугленных тела, Бурсаков поспешно распахнул дверцу, свесился наружу и некоторое время сидел так, пережидая мучительный приступ тошноты.

Когда опасность распрощаться со съеденным полтора часа назад завтраком миновала, он выпрямился на сиденье и посмотрел в зеркало заднего вида. Дорога позади него была пуста и безжизненна, только парочка трясогузок, смешно подергивая хвостами, бродила вдоль стершейся осевой линии, деловито выскивая что-то в трещинах асфальта. Небо в той стороне было ясным, а с запада надвигалась туча, и порывы ветра уже доносили оттуда прохладное, напоенное запахами дождя и озона дыхание приближающейся грозы.

Прихватив дробовик, он выбрался из машины. Под ногой звякнула, откатившись в сторону, потревоженная гильза. Наклонившись, Струп подобрал ее. Гильза опять была от «Стечкина» – как там, на речном берегу, и как вчера в здании магазина.

Услышав за спиной глухой шум, он вздрогнул и резко обернулся, едва не выпалив из ружья. Но это был не возвращающийся джип, а всего лишь запутавшийся в ольховнике сильный порыв ветра.

– Чтоб тебя, – пробормотал Струп и, наклонившись, левой рукой перевернул на спину труп человека в серой спортивной куртке.

Покойничек оказался знакомый – как, впрочем, и следовало ожидать. По паспорту он был Александр Белошапка, по прозвищу – Фома, а по профессии – наркокурьер. Фома работал на московского авторитета по кличке Хвост, и его безвременная кончина здесь, на территории заповедника, служила отличным подтверждением версии майора Бурсакова: человек в темных очках не принадлежал к какой-либо из группировок, совместными усилиями создавших и эксплуатирующих пролегающий через радиационный заповедник коридор двухсторонних контрабандных поставок. Он отстреливал как тех, так и других; вчера его жертвами стали украинские братки Бурого, явившиеся забрать из тайника в подсобке магазина привезенное из России оружие, сегодня – люди Хвоста, транспортировавшие в Москву полученный где-

то здесь, в заповеднике, груз синтетических наркотиков. На Лубянке, судя по последней полученной шифровке, думали примерно так же. К сожалению, майору Бурсакову от этого было не легче: в чем бы ни заключалась рабочая версия, проверять и разрабатывать ее предстояло ему – здесь, в зоне, один на один с непредсказуемым, лишенным инстинкта самосохранения убийцей, который никого не щадит и не дает промаха.

Залитое восковой мертвенной бледностью лицо убитого выглядело измученным, но умиротворенным, глаза были закрыты, и Струп почему-то решил, что умер он не сразу. Прогоревшая на спине спортивная куртка была расстегнута, слева за поясом джинсов торчал пистолет, который Фома даже не попытался достать. Выпрямляясь, Струп отступил на полшага от тела. Под правым каблуком что-то хрустнуло, и, посмотрев под ноги, он увидел, что растоптал шариковую ручку. Ручка, наверное, выпала из кармана у Фомы, когда тот, получив пулю в спину, падал на дорогу. Едва успев это подумать, Бурсаков заметил, что треснувший корпус из белой пластмассы запачкан красным. Ручка лежала в полуметре от кровавой лужи, а значит, запачкаться случайно, сама по себе, просто не могла.

Приглядевшись внимательнее, он заметил зажатый в кулаке мертвеца листок бумаги. Тело уже окоченело, и, чтобы разогнуть скрюченные, твердые, как сучки, пальцы, майору пришлось потрудиться. Испачканный кровью листок оказался пропуском, дающим право проезда по территории заповедника. Прямо поперек печатного текста с вписанными от руки личными данными владельца и номером транспортного средства Фома корявыми, разъезжающимися буквами написал несколько слов. Разобрав написанное, Струп присвистнул.

– Вот ты и попался, голубчик, – пробормотал он, бережно убирая окровавленную бумажку в нагрудный карман куртки.

Новый порыв ветра швырнул в лицо горсть колючих песчинок, а в следующее мгновение хлынул дождь – резко, без предупреждения. Он был ровный и спорый, и за пару секунд, которые потребовались, чтобы добежать до машины, Струп успел основательно промокнуть.

Глава 5

Клуб назывался «Летучая мышь» и пользовался большой популярностью у столичной молодежи, которая могла себе позволить весьма недешевое удовольствие проводить здесь время. Был полдень, до открытия заведения оставалось еще несколько часов, но под полупрозрачным навесом на отделанном полированным гранитом крыльце неподвижно торчали, равнодушно глаза на прохожих, четыре рослых, могучего телосложения гражданина в темных деловых костюмах.

Денек опять выдался серый, пасмурный, дождь лил с самого утра, то ненадолго прекращаясь, то припуская с новой силой, и машины на клубной парковке были рябыми и пупырчатыми от осевших на них мелких капелек влаги. Среди них выделялся своими внушительными даже по московским меркам габаритами черный «кадиллак» владельца сети ресторанов и ночных клубов, к которой относилась и «Летучая мышь», Якова Наумовича Портного. В двух шагах от него мок под дождем белый лимузин, которым, приезжая в Москву, пользовался давний приятель и деловой партнер Якова Наумовича из славного города Донецка, Иван Захарович Бурко. Москву Иван Захарович недолюбливал – не из соображений националистического характера, которые ему, сыну населенного детьми и внуками ссыльных шахтерского края, были глубоко чужды, а просто недолюбливал, и все, считая этот город малопригодным для жизни и чем дальше, тем больше теряющим последние крупинцы очарования, которым некогда обладал. Поэтому в столицу Российской Федерации Иван Захарович навещался нечасто и только тогда, когда его присутствия в этом финансовом Вавилоне настоятельно требовали дела.

Партнеры расположились в кабинете управляющего, отделанном со сдержанной роскошью, которая влетела Якову Наумовичу в кругленькую сумму, и которую простодушный потомок донецких шахтеров ошибочно принимал за признак свойственной всем соплеменникам господина Портного прижимистости. Окна этого расположенного на втором этаже помещения снаружи были закрыты стальными пластинчатыми шторами, а плотно задернутые тяжелые портьеры окончательно превращали день в ночь. Скрытые светильники заливали просторный кабинет мягким, рассеянным светом; за большим панорамным окном, занимавшим почти всю стену справа от входа, дремал погруженный в сумрак пустой ресторанный зал, видимый как бы с высоты птичьего полета. Сейчас, после ухода уборщиков, там царили тишина и идеальный порядок – состояние, в котором это предназначенное для шумных массовых безумств место нечасто видел даже хозяин.

Упомянутый гражданин представлял собой импозантного мужчину лет пятидесяти с небольшим, холеного и весьма примечательной наружности. Он был крупного телосложения, уже заметно погрузневший, смуглый, как индеец, и горбоносый – опять же, как индеец с американской десятицентовой монеты. Сходство с коренным жителем Северной Америки усиливалось прической. Спереди Яков Наумович уже основательно облысел, но на затылке волосы оставались густыми, пышными; они слегка вились и были собраны в перетянутый кожаным шнурком конский хвост, который доставал до лопаток. Эта заметно посеребренная сединой деталь наружности служила Якову Портному визитной карточкой чуть ли не с конца девяностых, когда он отбыл свой последний срок за финансовые махинации и незаконные операции с золотом и валютой, и именно она, эта деталь, со временем дала ему нынешнюю кличку – Хвост.

Иван Захарович Бурко был приземистый, широкий в кости, с круглой, бледной от недостатка свежего воздуха и солнечного света физиономией, увенчанной густой, без единого седого волоска шевелюрой с лихим казацким чубом. На нем были светло-серые, с металлическим отливом брюки и кремовая рубашка с коротким рукавом. Рубашка была по старинке заправлена в брюки – во-первых, потому что Иван Захарович так привык и не видел причины менять свои вкусы. А во-вторых, такой наряд практически не оставлял места для фантазии,

позволяя всем желающим своими глазами и безо всякого труда убедиться, что такой солидный бизнесмен и авторитетный член донецкой диаспоры, как Иван Бурко, давно избавился от предосудительной манеры являться на важные деловые переговоры, припрятав за пазухой ствол. (За пазухой он действительно ничего не прятал, компактный тупоносый «смит-вессон» лежал в укрепленной под брючиной на правой лодыжке матерчатой кобуре. Это было немного непорядочно, но Иван Захарович почти не сомневался, что, если хорошенько поискать среди многочисленных подушек на диване, где расположился Портной, там тоже найдется что-нибудь не предусмотренное кодексом деловой чести и взаимными договоренностями).

Партнеры потягивали «хенесси экстра олд» и под этот божественный напиток вели неторопливую беседу о пустяках, обмениваясь не имеющими никакого значения новостями и анекдотами из жизни общих знакомых и исподволь подбираясь к теме, ради обсуждения которой Иван Захарович, собственно, и прилетел в Москву.

Как всякий умный человек с деловой хваткой и ярко выраженным стремлением нажать побольше денег – говоря простыми словами, аферист, – Иван Захарович отлично умел использовать в своих корыстных целях чужие слабости и предрассудки. И, как всякий аферист достаточно высокого полета, пользовался слабостями не отдельных людей – беззащитных пенсионеров, ушибленных пыльным мешком интеллигентов, истосковавшихся по мужской ласке одиноких дамочек и прочих лохов, – а целых народов и даже государств.

Исторически сложилось так, что уроженцы Восточной Украины испытывают стойкое предубеждение против жителей Западной, и наоборот. У самых глупых, невоспитанных и экстремистски настроенных представителей этих регионов дело сплошь и рядом доходит до драки (это сейчас; раньше на кулачные бои никто не разменивался – тогда, сразу после Второй Мировой, в основном, стреляли, резали и жгли). Этими исторически сложившимися разногласиями, как обычно, умело пользуются политики, карабкаясь к вершинам власти по головам наслушавшегося националистической или, наоборот, пророссийской демагогической болтовни дурачья.

Иван Захарович Бурко тоже пользовался этой старательно культивируемой политиками неприязнью – правда, иным, чем они, нетрадиционным способом. Он был донецкий – то есть восточник в квадрате, если не в кубе, – и на людях всегда на чем свет стоит клял последними словами «бендериков» – население западных областей Украины. Таким образом, никто и подумать не мог, что у этого солидного бизнесмена с бандитскими ухватками, неспособного связать по-украински и двух слов, имеются прочные деловые связи и интересы во Львове и приграничных городах Закарпатья. Люди, сплошь и рядом даже не подозревающие, на кого работают, в упрощенном визовом режиме навещали проживающих на территории Евросоюза родственников; когда они возвращались домой, сотрудники пограничной и таможенной служб существенно улучшали свое материальное положение, не замечая припрятанных среди европейских гостинцев пакетиков с метадонем и прочими шедеврами современной фармацевтической химии. Грузовые микроавтобусы и даже фуры беспрепятственно проходили через таможенные терминалы, время от времени провозя в Евросоюз грузы, не обозначенные в сопроводительных документах – как правило, стрелковое оружие российского производства и боеприпасы к нему.

Доставленные из Европы наркотики по отлаженному коридору уходили в Москву, где распродавались через сеть принадлежащих Хвосту ночных клубов. Выручка тут же пускалась в оборот, и приобретенное по теневым схемам оружие отправлялось в обратный путь по тому же коридору – на Брянск, через стык трех республик, через Припятский радиационный заповедник на Украину, а оттуда через Львов, Рахов и Берегово – в Европу. Схема работала уже несколько лет, была отлажена, как швейцарский хронометр, и до сих пор ни разу не давала сбоев.

Теперь сбои начались, и это еще очень мягко сказано. По тяжести последствий эти сбои смахивали на ржавый гвоздь, который кто-то со всего маху вогнал в механизм упомянутого хронометра.

– Слушай, – первым коснулся щекотливой темы Яков Наумович, офис которого располагался на большем удалении от Припяти, чем вотчина Бурко, и который на этом основании считал себя вправе требовать у партнера отчета за творящиеся в радиационном заповеднике странности, – что-то я не понял, куда подевался мой груз.

– Ммм? – смакуя коньяк, вопросительно промычал Иван Захарович. Смысл вопроса был ему понятен, а вот форма, в которой тот был задан, решительно не устраивала, на что он и намекнул своим изумленным мычанием.

– Ох, Ваня, я тебя умоляю, не надо делать голубые глаза! – с досадой воскликнул Портной. – Ты же не выпить сюда приехал, так давай говорить прямо! Деньги за очередную партию товара я перевел еще в начале прошлой недели, подтверждение отправки груза получил три дня назад. И ни товара, ни людей, которые должны были его доставить – ничего...

– А возвратную тару ты отправил? – нейтральным тоном поинтересовался Бурый.

– Как договаривались, два ящика. Точно в срок, и мне сообщили, что твои люди из местных забрали все в лучшем виде...

– Вот и мне сообщили, что твои курьеры получили товар в лучшем виде и без проблем въехали в заповедник. – Бурый говорил нарочито лениво, чередуя слова с глотками из пузатого бокала, а глотки – с затяжками. Курил он «Мальборо» – судя по некоторым признакам, отнюдь не украинского и даже не российского производства. – Въехали и, если я тебя правильно понял, до сих пор не выехали. Проводники с полученными от тебя ящиками как в воду канули, и мои пацаны, которые должны были забрать ящики из тайника, тоже пропали – как ты понимаешь, вместе с грузом, потому что сам, без них, он до меня добраться не мог. Может, они там собрались, сговорились и устроили пикник – сидят на моих ящиках и трое суток подряд жрут твои таблетки? Говорят, от этого зелья все можно забыть – кто ты, что ты, на кого работаешь, и что с тобой будет, когда очухаешься...

– Очень смешно, – язвительно произнес Хвост. – Свежо и оригинально. Я сейчас не шучу, это действительно свежо. Так и представляю, как они там расположились на полянке и оживленно беседуют с зелеными человечками... Но это совсем не тот ответ, которого я от тебя жду.

– Прости, конечно, – еще ленивее, чем прежде, произнес Бурый, – но с каких это пор я должен перед тобой отчитываться и, тем более, отвечать?

– Не передо мной, – слегка умерив темперамент, терпеливо поправил Портной, – а мне. Я задал вопрос – ты мне ответил, ты спросил – ответил я... Не по понятиям – с ними я знаком, и они в данном случае ни при чем, – а по существу поставленного вопроса: что происходит? Это твоя территория. На ней творится черт знает что, а ты прилетел за тридевять земель в Москву и шуточки шутишь... Дело ведь нешуточное, Ваня!

– А я и не шучу, Яша, – принял дружеский тон Бурко. – Это так, смех сквозь слезы... Вот ты говоришь: моя, мол, территория... А она не моя, она, в основном, белорусская. Платить им за коридор мы можем, а вот контролировать то, что там творится – извини-подвинься.

– И что же, никакой информации? – жалобным, чуть ли не плачущим голосом спросил Хвост.

– Кое-какая информация имеется, – вздохнул Бурко. – И я думаю, что ты ею располагаешь. Подозреваю даже, что знаешь ты намного больше, чем я, грешный, только зачем-то темнишь. Проверяешь, что ли, поймать на чем-нибудь хочешь? Зря, Яша, не на чем меня ловить. Но, если тебе угодно, изволь: перебили всех, как собак, а товар то ли с собой унесли, то ли уничтожили. Вот и вся информация, какая у меня есть, большего я тебе сейчас даже под пыткой не скажу.

– Да, негусто, – после паузы, во время которой явно что-то обдумал и решил, печально протянул Хвост. Он почесал согнутым указательным пальцем горбинку крупного носа, вздохнул, понюхал свой бокал и аккуратно, словно боясь разбить, отставил в сторону, на краешек стола. – К сожалению, ты глубоко заблуждаешься по поводу моей осведомленности: я знаю столько же, сколько и ты, и ни на йоту больше. Поэтому у меня к тебе еще один вопрос – простой, но очень важный: это, часом, не твои ребята шалят?

– Ты говори, да не заговаривайся... – набычившись, грозно привстал из кресла Бурый.

– ...Жидовская морда, – услужливо подсказал Яков Наумович, и собеседник, осознав явную неуместность своего непарламентского поведения, расслабленно опустил на место. – Успокойся, Ваня, это не разборка, а дружеский разговор двух старых знакомых и деловых партнеров, которым кто-то начал активно ставить палки в колеса. Наша задача не перекричать друг друга, обвиняя во всех смертных грехах, а выяснить, кто затеял с нами эту игру, и вырвать ему игралку с корнем, чтоб впредь nepовадно было баловаться. Я ведь не говорю, что это ты на старости лет сошел с ума и решил перечеркнуть нашу дружбу и похоронить хороший бизнес ради пары килограммов метадона! И надеюсь, тебе даже в голову не пришло – по крайней мере, всерьез, – что я сделал то же самое из-за двух ящичков с железками.

– Это верно. – Бурый тяжело вздохнул, залпом допил коньяк, и Яков Наумович, привстав, на правах хозяина снабдил его новой порцией импортного зелья. – Ты прав, это не нужно ни мне, ни тебе.

– Так, может?..

– Да нет, – отрицательно помотав крупной головой, решительно возразил Иван Захарович, – ерунда это. У меня в тех краях работают серьезные бригадиры. Людишки у них, конечно, так себе – сброд, что называется, с бору по сосенке. Но дело поставлено как надо быть, и, если бы кто-то из местных только подумал выкинуть что-то подобное, ему бы сразу башку отвинтили – раньше, чем успел бы эту чушь до конца додумать. Полагаю, и на твоей стороне дело налажено не хуже.

– Ну да, – иронически закивал головой Хвост, – все просто отлично, вот только люди и товар куда-то пропадают. И люди непростые, и товар, вроде, не тот, который можно на колхозном рынке толкнуть. И потом, появление в тех краях группы каких-нибудь гастролеров ни твои, ни мои ребята не пропустили бы. Это все не случайные неприятности, Иван. Кто-то объявил нам войну, и работает этот кто-то достаточно профессионально. И знаешь, что мне больше всего не нравится? Уровень его осведомленности. Он, этот кто-то, знает все: маршруты, графики движения курьеров, расположение тайников, точки randеву... Потому-то мне и тревожно. Как бы мы с тобой ни доверяли друг другу и своим людям, такая информированность может означать только одно: где-то происходит утечка, и слил нас не рядовой бык, а кто-то из ближайших помощников. Я уже начал проверять своих людей...

– Я тоже, – перебил его Бурко. – Только проку от этого пока что не видать. А что говорит этот твой штемп?

– Кто, прости?

– Твой человек с Лубянки, – перевел Бурый.

– Тише, тише! – замахал на него руками Портной. – У стен тоже есть уши, даже у этих. – Он обвел вокруг себя рукой, в которой держал бокал с коньяком. – Как говорится, не поминай черта...

– И все же?..

– Да ничего он не говорит, – с досадой отмахнулся Хвост. – То ли действительно ни черта не знает, то ли знает, но почему-то не считает нужным рассказывать.

– Не знает, – хмыкнув, с явным сомнением протянул Иван Захарович. – Это вряд ли, Яша. Я, к примеру, знаю, что по ходу захвата твоих ящичков убили двоих пограничников, капитана и прапорщика. Катер с трупами прибило к опорам моста в районе населенного пункта. Это

видели многие, это попало в сводки, и эта информация просто не могла пройти мимо человека, который работает на Лубянке и получает деньги и там, и здесь именно за то, чтобы контролировать ситуацию в заповеднике. Темнит твой штемп, Яша. И я даже могу предположить, зачем он это делает. Как работает наш коридор, он знает от «А» до «Я», потому что сам помогал его наладить. Ему известна вся схема – чуть ли не от сборочного конвейера оружейного завода до подпольной химической лаборатории в Амстердаме. Каждого нашего таможенника, каждого пограничника, каждого егеря в заповеднике он знает, как облупленного, на каждого у него имеется досье, где подробно изложена вся подноготная. А теперь подумай сам: зачем ему, такому грамотному, мы с тобой?

Яков Наумович замер, не донеся до рта бокал, а потом, осторожно поставив его на край стола, где уже красовался сложный узор из перекрывающихся друг друга влажных колец – следов от доньшка, – беззвучно похлопал в ладоши.

– Ну, Иван Захарович, – изумленно протянул он, – ну, голова! Недаром говорят: когда хохол родился, еврей заплакал!

– Не понимаю, чему ты так обрадовался, – проворчал ничуть не польщенный комплиментом Бурый.

– Определенности, Ваня. Определенности! Я только сейчас понял, как сильно мне ее не хватало все эти дни.

– Да ты погоди, – сказал Бурко, – не торопись с выводами. Может, он тут и не при делах!

– Может, и не при делах, – легко согласился Хвост. Забавный одесский акцент бесследно улетучился из его речи, выражение печального добродушия исчезло со смуглого лица, будто стертая мокрой тряпкой надпись мелом с классной доски. Теперь тон его стал жестким, а взгляд – острым, как парочка сапожных шил. – Все может быть. Только в нашей ситуации куда ни кинь, все клин. Если он в курсе событий и темнит, значит, ведет свою игру – то есть подлежит немедленной ликвидации. А если не знает того, что обязан знать по долгу службы, – значит, его самого водят за нос, держат под колпаком и ждут, когда он выведет ищеек на нас с тобой. Что надлежит делать в этом случае, ты знаешь сам – тоже не первый год замужем, верно? Ну, и какая, в таком случае, разница, при делах он или не при делах?

– Действительно, никакой, – подумав секунду, согласился Бурый. Жесткие складки вокруг его изогнутого уголками книзу рта разгладились, широкое бледное лицо приобрело умиротворенное, сонное выражение. – А ты говоришь: голова, голова... Своя-то, гляди, не хуже! За это и уважаю. Что ж, ты сам все сказал. Твой штемп – тебе и карты в руки. Если хочешь, могу помочь людьми.

– Этого-то добра у меня навалом, – отмахнулся Хвост. – Справлюсь, не беспокойся. А ты не сочти за труд, займись заповедником, отлови этих упырей, которые там завелись, и вбей в братскую могилу осиновый кол – поострее да потолще. А когда разберемся с этими делами, возобновим трафик.

– Без прикрытия? – удивленно приподнял бровь Бурый.

– Мы пять лет без прикрытия работали и горя не знали, – напомнил Хвост, – пока этот урод не объявился и за глотку нас не взял. Знал бы ты, Иван, как он мне надоел! Короче, избавлюсь я от него с превеликим удовольствием, а если после этого возникнут проблемы, будем, как обычно, решать вопросы по мере поступления.

– Это, конечно, не рецепт вечной молодости, но ничего лучшего, пожалуй, не придумаешь, – сказал Бурый. Он залпом осушил бокал, с негромким отчетливым стуком поставил его на стол и решительно встал, давя в хрустальной пепельнице окурочок. – На том и порешим, Наумыч. Не стану тебя задерживать. Приятно было повидаться.

– Взаимно, – тоже поднявшись и пожимая протянутую через стол руку партнера, откликнулся Хвост. – Ты прямо в аэропорт или еще погостишь?

– Некогда гостевать, Яков, – ответил Бурый, – дома дел невпроворот. Да и не люблю я эту вашу Москву. При Советах не любил, а уж теперь и вовсе глядеть на нее не могу. Не Москва, а какой-то Грозный пополам с Бишкеком!

– Исторический процесс, – вздохнул Портной, провожая его до дверей, – тут уж ничего не поделаешь. По ночам детишек строгать надо, а не водку жрать, иначе оглянуться не успеешь, как московские газеты на арабском начнут выходить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.